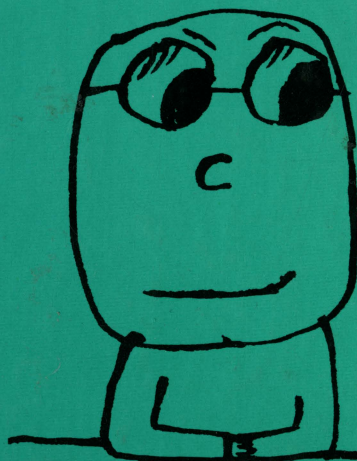

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

Джозеф Эпштейн

Зависимость

Джозеф Эпштейн

Зависимость

СЕМЬ СМЕРТНЫХ
ГРЕХОВ

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

ЗАВИСТЬ

Гордыня

Майкл Эрик Дайсон

Зависть

Джозеф Эпштейн

Гнев

Роберт А.Ф. Турман

Лень

Вэнди Вассерштейн

Алчность

Филлис А. Тикл

Чревоугодие

Франсин Проуз

Похоть

Саймон Блэкберн

Каждую книгу предваряет вступительная статья кандидата культурологии, заведующей кафедрой культурологии и религиоведения Российского православного института апостола Иоанна Богослова О.А. Жуковой.

СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ

Джозеф Эпштейн

ЗАВИСТЬ

Перевод с английского Ольги Сергеевой

АСТ • Астрель
Москва
2006

УДК 159.9
ББК 88.37
Э 72

Оформление обложки — дизайн-студия «Дикобраз»

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953005 — литература учебная

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 15.01.2006.

Формат 70×100¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.

Усл. печ. л. 7,74. Тираж 5000 экз. Заказ 673.

Эпштейн, Джозеф

Э 72

Зависть / Джозеф Эпштейн; пер. с англ. О.И. Сергеевой. —
М.: АСТ: Астрель, 2006. — 191, [1] с.: ил. — (Семь смерт-
ных грехов).

ISBN 5-17-035270-0 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13792-9 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 0-19-515812-1 (англ.)

Веда разговор с читателем в ироничной манере, благодаря которой серьезный материал воспринимается легко и не навеивает скуку, автор знакомит нас с многочисленными обликами зависти. Он рассказывает о том, что великие мыслители прошлого и настоящего писали о зависти; о различиях между завистью, острым желанием, ревностью, обидой и злорадством; перечисляет то, что служит предметом наиболее острой зависти: богатство, красота, власть, талант, знания и мудрость, удачливость и молодость. Отдельно рассматривается зависть, распространенная в научных кругах, где она перемешана со снобизмом и ощущением собственного бессилия. Эпштейн показывает, что в зависти всегда присутствует элемент злобы — завистник жаждет разрушить счастье других людей. Он высказывает предположение, что зависть к поразительному успеху, которого добились евреи в Германии и Австрии, возможно, скрывается за жесточайшим антисемитизмом нацистов.

УДК 159.9

ББК 88.37

Перевод книги «Зависть», впервые опубликованной на английском языке в 2003 г., печатается с разрешения Oxford University Press, Inc.

Все права защищены.

ISBN 5-17-035270-0

(ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-271-13792-9

(ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 0-19-515812-1 (англ.)

ISBN 985-13-7363-X

(ООО «Харвест»)

Copyright © 2003 by Joseph Epstein
© 2005 «Издательство Астрель»

Оглавление

ТАЙНЫЙ ВРАГ.....	7
ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ.....	31
ПРЕДИСЛОВИЕ	34
ГЛАВА 1. Это – не ревность	51
ГЛАВА 2. Как распознать зависть	62
ГЛАВА 3. Тайный грех	73
ГЛАВА 4. Правда ли, что красота одинока?	81
ГЛАВА 5. Сверкающие призы	89
ГЛАВА 6. Молодежь, черт бы ее побрал	101
ГЛАВА 7. Уродливое лицо подлости	111
ГЛАВА 8. При капитализме человек завидует человеку. При социализме – наоборот	121

ГЛАВА 9.	
Наши добрые друзья – евреи	132
ГЛАВА 10.	
Радуйся неудачам	140
ГЛАВА 11.	
Другое имя обиды	155
ГЛАВА 12.	
Свойственно ли человеку завидовать?	166
ГЛАВА 13.	
Профессиональная зависть	175
ГЛАВА 14.	
Душевное нездоровье	182
Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я	187

ТАЙНЫЙ ВРАГ

Invidia festor dies non agit

Зависть праздников не блюдет

Латинское изречение

Aliorum gloriae maxime

invidere solet

Больше всего обыкновенно

завидуют чужой славе

Латинское изречение

Трудно ли человеку признаться в таком грехе, как зависть? Джозеф Эпштейн, автор настоящей книги, с особым настроением выбрал тему зависти, замечая за собой «очаровательный маленький смертный грех». Сама же книга посвящена другу Гари У. Фишеру, счастливо лишенному этого сомнительного чувства. С оттенком легкой иронии Дж. Эпштейн предлагает читателю пристально посмотреть на повсеместно распространенное и хорошо знако-

мое едва ли не каждому человеку чувство зависти, предупреждая при этом, что из всех смертных грехов только зависть не является смешной. В доказательство автор приводит определения из известных и пользующихся уважением словарей, характеризующие зависть как злобу, активное зло, враждебное чувство, причиной которого выступает обида за успех других и желание подобного себе. Здесь разговор становится уже совершенно серьезным и философски основательным.

Что такое зависть? Чувство, эмоция, особенность характера, целостное мировоззрение, наконец, грех? В истории мировой культуры зависть не только устойчивая моральная категория, но и постоянная тема литературы и философии. То, что Дж. Эпштейн как автор бестселлера 2002 года, посвященного исследованию социально-психологического феномена американского снобизма, хорошо владеет этой темой, становится понятным с первых страниц книги. Ему удается показать свой предмет всесторонне и с эмоционально-психологической, и с морально-этической

стороны, выделив и описав явления и причины, вызывающие или тайную враждебность, или плохо скрываемую злобу. Это и профессиональная ревность к творческим успехам коллег, и к физической красоте и молодости, и к богатству, или же национальная или религиозно-культурная инакость, вызывающая всплеск ксенофобских настроений.

В своих рассуждениях автор прибегает к известным моральным теориям И. Канта, С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Шелера, К. Маркса, пытаясь дать наиболее полную и объективную формулу зависти. Так зависть оказывается великим уравнителем талантов и социальных благ: если нельзя подняться, значит нужно опустить другого, возможно, не только разрушив счастье человека, но и лишив его жизни. Здесь маленький тайный враг превращается в свирепого убийцу, главным мотивом которого становится неприкрытая ненависть и злоба. Об этом мы читаем в одном из основных трудов всей мировой этической мысли — «Никомаховой этике» Аристотеля: «Негодование

(nemesis) — это обладание серединой по сравнению со злобной завистью (phthonos) и злорадством (epikhairekakia), а связано все это со страданием и удовольствием из-за происходящего с окружающими. Кто склонен к негодованию — страдает, видя незаслуженно благоденствующего, а у завистливого в этом излишек, и его все [хорошее] заставляет страдать; что же до злорадного, то он настолько лишен способности страдать, что радуется [чужой беде]» (1; 76—77). Аристотелево определение зависти станет фундаментом всей последующей философской традиции толкования зависти, повлияв и на христианскую этическую концепцию.

Зависть — чувство, хорошо знакомое творцам и художникам, ибо в желании славы самому себе и наслаждении ею ничто так не омрачает счастья, как успехи собрата по профессиональному цеху. Древняя Греция, утвердившая соревновательность в качестве культурной нормы, знала и зависть как обратную сторону в споре победителя и побежденного. Античная литература сохранила немало свидетельств

соперничества авторов между собой, когда причиной перебранок становилась именно зависть. Так, знаменитый римский комедиограф Публий Теренций Афр (Африканец), способный раб из Карфагена, выученный и отпущенный на волю своим хозяином, делается предметом нападок со стороны своего известного современника, драматурга Луция Ланувина и вынужден отвечать ему в прологе своей пьесы «Девушка с Андроса». Поэт хочет нравиться публике, но в прологе все старания тратит не для того, чтобы разъяснить содержание пьесы, но с тем, «чтобы на злобные ругательства врагу, поэту старому, давать ответ» (10; 9). Ланувин обвиняет Теренция в использовании греческих комедий, до него уже обработанных римскою сценою («Евнух»), а также в том, что он пишет не сам, а с помощью знатных людей Рима, в чье окружение входит. Конкретный пример Теренция, жившего во II веке до н.э., может быть безо всякого изменения перенесен, служа доказательством того, что причина и предмет зависти как общераспространенного порока постоянны.

Теология латинского Запада включила зависть в список семи смертных грехов, в то время как восточно-христианская традиция стала считать зависть греховным действием, проистекающим от страсти. Средневековая теологическая мысль Запада произвела зависть в грех непростительный, ибо и враг рода человеческого устроил бунт против Бога из-за гордыни и зависти. Таким образом, в этой логике зависть оказалась покушением на волю и помысел Божий, преступлением против Божественного закона и кулой на Духа Святого.

Зависть и ненависть — звенья одной морально-психологической цепи. Тихая, ползучая, не обнаруживающая себя зависть в одно мгновение превращается в лютую ненависть, приближаясь в своем проявлении к аффекту. Основываясь на теории аффекта, нидерландский мыслитель XVII века Бенедикт Спиноза доказывал тождественность зависти и ненависти: «Зависть есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья, и наоборот —

находит удовольствие в чужом несчастье» (9; 537). Природу зависти Б. Спиноза определяет в теореме 24, содержащей следующее утверждение: «Если мы воображаем, что кто-либо причиняет удовольствие предмету, который мы ненавидим, то мы будем и его ненавидеть. Наоборот, если мы воображаем, что он причиняет этому предмету неудовольствие, мы будем любить его» (9; 500). Далее, в теореме 32, Спиноза рассматривает еще одну логическую взаимосвязь удовольствия и неудовольствия как причины зависти: «Если мы воображаем, что кто-либо получает удовольствие от чего-либо, владеть чем может только он один, то мы будем стремиться сделать так, чтобы он не владел этим» (9; 506).

В знаменитых «Максимах» французского писателя-моралиста Франсуа де Ларошфуко, современника Спинозы, есть графически точное определение зависти, как одного из самых распространенных человеческих пороков: «Ревность до некоторой степени разумна и справедлива, ибо она хочет сохранить нам наше достояние или то, что мы считаем таковым, между тем

как зависть слепо негодует на то, что какое-то достоинство есть и у наших ближних». Зависть — тот порок, тот тайный грех, который тщательно скрывают, ибо он лишает даже добродетельного человека как покоя совести, так и собственно образа добродетельности. Придерживаясь правильных взглядов и ведя в целом достойную уважения жизнь, человек может быть не свободен от чувства раздражения по отношению к успехам или добродетелям других людей. Внешне зависть может и не проявлять себя, однако, зародившись в уме человека на уровне рационального сравнения себя и других, она поселяется в сердце как раздражение и гнев, как чувство ненависти. С точки зрения душевного здоровья зависть есть присосавшийся к ней паразит, поражающий иммунную (духовную) систему человека и лишаящий ее жизненных сил. В этом смысле зависть — это «неприличная» болезнь, о которой говорить не принято. Французский философ замечает: «Люди часто похваляются самыми преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться».

Как хирургическим скальпелем Ларошфуко снимает лицемерные покровы общества, где нормой стали показные добродетели и морализаторски поддерживаемая благопристойность. Его тезис, вынесенный в качестве эпиграфа, является этическим нервом «Максим»: «Наши добродетели — это чаще всего искусно переряженные пороки». Зависть, какой бы тихой и робкой она ни была, обнаруживает себя. На это философ говорит следующее: «Как бы мы ни старались скрыть наши страсти под личиной благочестия и добродетели, они всегда проглядывают сквозь этот покров». Моральные сентенции Ларошфуко универсальны. Нравственный анализ общества XVII века применим и к нашей современности. Здесь мы находим общество, которое хотело бы оставаться внешне благопристойным, следовать традиционной морали, но не желает при этом подвергнуть тщательному нравственному анализу ни свои помыслы, ни свое поведение. Кто захочет унизиться признанием в себе тайного порока зависти, когда явная добродетель так приятна и «вы-

годна» во всех отношений, накапливаясь в виде особого рода социального капитала!

Но вот же она, непреодоленная, медленно разрушающая человека страсть, дьявольское наущение против ближнего! Мотив дьявольской природы зависти, важный для западной ветви христианства, характерен и для православной традиции.

Соучастником дьявола называет Св. Ефрем Сирин завидующего: «Кто уязвляется завистию и соперничеством, тот жалок, потому что он соучастник дьявола, завистию коего *смерть вниде в мир* (Прем. 2,24). Сердце его всегда изнемогает от печали, тело же съедается бледностью, и силы его истощаются. Зависть и соперничество — страшная отравка: от них рождаются оклеветание, ненависть и убийства» (2; т. 2, 401). Говоря о зависти как о причине страшного преступления — убийства, Св. Ефрем Сирин указывает на историю Каина и Авеля, детей Адама и Евы. Оба они приносили жертву Богу, из коих Богом была выбрана жертва Авеля. Каин же из зависти убил родного брата и за нераскаяние (Быт. 4,11) заслужил про-

клятье Божие. «Каинова печать» — это печать завистника и убийцы. Оттого-то и печется о мире и спокойствии души человека Ефрем Сирийский, предупреждая о духовной опасности таящейся внутри и не обнаруживаемой внешне зависти. Она сродни ненависти, готовой в любую минуту толкнуть человека на преступление: «Ненависть или зависть под покровом благочестия — горькая вода в золотых сосудах» (2; т. 2, 401).

Св. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» упоминает о зависти в главе, названной «О печали». Отец Церкви перечисляет четыре вида печали: горе, грусть, зависть, сострадание. По его мнению, зависть — это печаль из-за чужих благ. Зависть, не отнесенная, по учению преподобного Иоанна Лествичника, к восьми главным греховным страстям, является, по определению, греховным действием, проистекающим из страстей или способствующим их развитию. У Иоанна Лествичника она связана с греховной страстью гордыни. Св. Иоанн Дамаскин выделяет в зависти еще одну причинно-следственную связь: печаль. В нравственных схемах

двух святых на самом деле нет противоречия, ибо определяемая Иоанном Лествичником печаль есть огорчение «не по Бозе». Источник же зависти — именно человеческий, когда одно творение Божье не желает признать и принять промыслительные установления Бога о другом таком творении, выказывая тем самым и свою гордыню, и свое несмирение.

Один из наиболее известных древнерусских сборников мудрых изречений «Пчела», вписывающийся в традицию назидательно-дидактической литературы средневековья, содержит отдельную главу, посвященную зависти. Текст пересказывает библейские и евангельские изречения, а также приводит мысли античных авторов:

Апостол. Где зависть и распря, тут и бесчинства, и всякие дурные дела.

Соломон. Не ужинай с завистливым человеком, не пожелай и еды его.

Сирах. Как мухи здоровые части тела облетают, а к гнойным местам прилипают, так и завистники.

Как ржавчина железо, так и зависть душу разъедает.

Что стонешь, завистник, — о своем ли несчастье или о благе чужом?

Плутарх. Многие завистники своим друзьям искренне не желают гибели, но, увидев их в благополучии, огорчаются и, когда только можно, хулят и славу их, и удачу (5; 321–322).

Древнерусская афористическая традиция на идейно-содержательном уровне выражала нравственную установку самой культуры, осуждавшей грех зависти как опасный и недостойный помысел души и деяние. Дидактические темы, имевшие значение для нравственного самосознания древнерусской культуры, обретают новое звучание в творчестве Симеона Полоцкого (1629–1680), крупнейшего литературного деятеля XVII века. Интерес к этическим проблемам жизни был продиктован активной просветительской и преподавательской деятельностью учительствующего монаха, выпускника Киево-Могилянской академии и Виленской иезуитской академии. Религиозно-схоластически окрашенное творчество Симеона Полоцкого стало, тем

не менее, значительной вехой в становлении новой, светски ориентированной культуры, которая в полной мере утвердит себя в эпоху Петра I. Среди его обширного наследия есть блестящие образцы жанра бытовой сатиры, к которому и относится «Притча о завистливом». Подобными притчами были наполнены распространенные в России XVII века различные переводные сборники (наиболее популярными из них были «Римские деяния» и «Великое зеркало»). К заболевшему и умершему без исповеди завистнику, всех осуждавшему, явился по смерти некто и, испустив огненный язык до земли, рек: «Аз стражду языка своего ради, имже непрестанно людей осуждал» (8; 291). Так, в притчевом изложении Симеона Полоцкого, зависть наказана своим же орудием, но теперь имеющим адскую силу в виде огненного языка.

Близка книжной традиции и афористическая мысль народной культуры. Художественно отточенная и ярко образная русская речь слышится в пословицах и поговорках, собранных В.И. Далем:

Где счастье, там и зависть.

Зависть прежде нас родилась.

Берут завидки на чужие пожитки.

Завистливый своих двух глаз не пожалеет.

Железо ржа съедает, а завистливый от зависти
погибает.

Охал дядя, на чужие деньги глядя.

Господи, Господи! Убей того до смерти, кто лучше
нашего живет.

Сосед спать не дает: хорошо живет.

Не столько смущает свой убыток, сколько чужой
прибыток.

Завидуши глаза не знают стыда (6; 51–54).

Эти две традиции — живой русской речи в многообразии жанров устного народного творчества и высокой книжности — органически соединяются и преломляются в творческом наследии А.С. Пушкина. В удивительных пушкинских сказках часто пружиной развития событий становятся человеческие страсти. Выступая в качестве определяющего мотива поведения, они являются источником драматических или трагических обстоятельств в судьбе главных

героев. Так, зависть к своей сестре, ставшей женой царя, толкает двух оставшихся девиц из «Сказки о царе Салтане» на преступление. Несколькими штрихами Пушкин дает портрет обойденных вниманием царя сестер:

В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха —
И завидуют оне
Государевой жене (7; 302).

Зависть женщины, влюбленной в свою красоту, к прекрасному и невинному созданию — своей падчерице — идейно-содержательный мотив другого знаменитого произведения в этом же жанре «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Получив ответ, что «царевна все ж милее, все ж румяней и белее», злая царица замысливает извести юную красавицу:

Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку

И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам (7; 335–336).

Называя царицу «гневной бабой», Пушкин показывает причинно-следственную взаимосвязь двух грехов — зависти и гнева. В данном случае зависть становится причиной сильного аффекта, превращающего красавицу-царицу в фурию-убийцу.

Сказочные герои Пушкина и характер их поступков отражают народные представления о добре и зле, о добродетели и нравственном преступлении, преломившиеся сквозь призму православного этического учения в недрах русской культуры. В «Маленьких трагедиях» — одной из вершин философско-поэтического гения Пушкина, он вновь обращается к проблеме зависти, где объектом последней оказывается творческий дар. Примечательно, что знаменитая пьеса Пушкина «Моцарт и Сальери» в первоначальном

варианте носила название «Зависть». Чувство зависти — это искание справедливости, желание восстановления ее. Так взывает к Высшему Сальери, усомнившийся в справедливом «распределении» даров Господом:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет и выше (7; 361).

Но нравственное чувство обмануть нельзя. Отныне добродетельный труженик Сальери — презренный завистник:

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным.
Змеей, растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений — не в награду
Любви горячей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —

А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт! (7; 362–363).

Причина зависти Сальери — это отношение к дару, к воле Бога. Но как соотносить Божественную волю и требование человеческой справедливости? Очевидно, что от героя пушкинской трагедии требуется невероятное моральное усилие, возможно, борьба со своим тайным врагом, которая, в конечном итоге, возвысит Сальери до гения Моцарта. Да, Сальери, уступающий Моцарту в мере музыкального таланта, мог бы стать истинным гением Дружбы и Любви, трепетно и благоговейно относящимся к дару автора «Реквиема». Ведь только Сальери, по словам самого Моцарта, один из всех смертных может так же чувствовать и понимать музыку, как он сам. Музыка же — один из высших талантов, соравный Любви.

Тема зависти, получившая гениальное художественное воплощение в творчестве Пушкина, нашла философское развитие у русского философа И.А. Ильина. В одной из своих работ, которую можно рассматривать как первую часть большого фило-

софского триптиха, Ильин обращается к проблемам жизни человека, радующегося и страдающего. Не случайно в названии «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» подчеркнут не доктринально-школьный смысл философского знания, а его экзистенциально-личностное измерение. Выбранному типу философствования отвечает и жанр книги, написанной скорее в литературно-эссеистическом ключе. Наследуя традиции западноевропейской философии в лице таких представителей, как св. Блаженный Августин, Франциск Ассизский, в жанрово-тематическом отношении И.А. Ильин все же ближе к русской традиции духовно-нравственной литературы. Прообразы тем, способ их изложения и развития, стилистика речи отсылает нас к творчеству Св. Феофана Затворника, Св. Игнатия Брянчанинова, к трудам и дневникам Св. Иоанна Кронштадтского. Мудрая, спокойная, рождающаяся, казалось бы, из бытовых впечатлений речь философа возводит читателя к высокой истине христианского учения. Его знание — это мудрость сердца, созерцающего свет Небесного Царства, в лучах которого становится понятным

жизненное определение добра и зла, прекрасного и безобразного, истинного и ложного.

Вглядываясь в жизнь, философ Ильин различает в ней и гнетущие человеческую природу страсти и пороки, вошедшие в мир с грехопадением первых людей. Парадоксально-афористически начинает свою главу «Зависть» автор «Книги раздумий»: «Добрые и злые феи подошли к колыбели человека и принесли ему свои дары. Самая злая из них подарила ему зависть. Возможно, это была переодетая фурия» (3; 137).

По мнению Ильина, чтобы между людьми был сохранен мир как лад и гармония, им необходимо научиться «прощать» друг другу свои таланты, преимущества, свою непохожесть. Для самосовершенствования человека, возможно, творческое соревнование и необходимо. В отличие от здоровой и разумной соревновательности зависть — явление болезненное, разрушительное, враждебное. Ильин однозначно определяет зависть как неразумную и безнравственную категорию этического ряда. Зависть может спровоцировать гнев, привести к убийству. В системе людс-

ких пороков и грехов она коррелирует также со скупостью и алчностью, т.е. по природе своей предметно направлена на завладение ей не принадлежащего. «Зависть — прежде всего скупость и алчность. Она ненасытна, как любопытство; она означает тем самым — вечную бедность, вечную заботу, вечно плохое настроение; всякую удачу она превращает в неудачу и оставляет человека бедствовать в безнадежном одиночестве. Жестокий завистник — зложелатель: он обижается на человека за чужое счастье; его задевает всякий чужой успех; любое положительное качество в другом мучит его как рана на сердце; гнев лишившегося на обладателя наполняет его; как ярость неполноценного, постоянно чувствующего чужое превосходство. К «делу» он даже не подступает: он застревает в борьбе между «я» и «ты»; и в этой вечной борьбе изводит самого себя и своего противника. Если же его ярость расширяется до социальной программы, тогда она выливается в классовую борьбу; и начинается марксистская гражданская война», — делает нравственный вывод И.А. Ильин (3; 138).

Зависть, как змея, заползает человеку в сердце. Она обвивает и душит в его в своих объятьях, отравляет и иссушает ум. Восставший Денница, сын Адама и Евы — Каин, злочестивые братья Иосифа — библейские образы греха зависти. Все они связаны с преступлением — с преступлением против Бога и человека, имеющего образ Божий в себе. Плохо унижить себя завистью перед людьми, но еще хуже дать ей пригреться в своем сердце. От гордости происходящая зависть рождает хулу, осуждение, клевету, ненависть. Тихий убийца, тайный враг не помилует, прежде всего, самого завистника. Он навсегда останется отмеченным каиновой печатью — печатью убийцы, ибо зависть как греховный помысел и греховное действие не знает меры и границ. В этом постарается убедить читателя и Джозеф Эпштейн, призывая его бороться с этим грехом всею духовною силой.

*О. А. Жукова,
кандидат культурологии,
зав. кафедрой культурологии
и религиоведения Российского православного
института апостола Иоанна Богослова*

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Аристотель. Этика.* /Пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер. М., 2002.
2. *Добротолубие: В 5 т. Свято-Троицкая Сергиева Лавра,* 1992.
3. *Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. М.,* 1994.
4. *Лирика. Из персидско-таджикской поэзии. М.,* 1987.
5. *Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.): Сборник. М.,* 1989.
6. *Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. Т. 3. М.,* 1994.
7. *Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М.,* 1969.
8. *Сатира XI—XVII веков. М.,* 1986.
9. *Спиноза Б. Богословско-политический трактат. Харь-ков,* 2001.
10. *Теренций. Комедии. М.,* 1988.
11. *Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения. М.,* 1991.

От издателей

Эта книга — часть серии книг на тему семи смертных грехов. Ее издание осуществляют Публичная библиотека Нью-Йорка и издательством «Оксфорд Юниверсити Пресс». Приглашенные нами ученые и писатели высказали свои взгляды на то, что принято считать грехом; каждому «досталось» по одному смертному греху. Через призму истории и современности каждый автор рассматривает абстрактные и практические аспекты влияния каждого из семи смертных грехов на духовность, этику и повседневную жизнь.

Списка семи смертных грехов в Священном Писании нет. Эту классификацию предложили Евагрий

Понтийский (IV век) и позднее Дион Кассиан. В VI веке папа Григорий Великий несколько изменил состав списка, и сегодня мы пользуемся его трактовкой традиционных семи смертных грехов. Грехи располагались в порядке увеличения их тяжести и расценивались как величайшее оскорбление духа и корень всех остальных зол. К некоторым грехам применялись попеременно сходные термины, в зависимости от того, как изменялись религиозные воззрения. Вот список известных нам семи смертных грехов: гордыня, алчность, похоть, зависть, чревоугодие, гнев и лень (праздность). В противовес этим грехам, христианские богословы классифицировали семь божественных добродетелей: Благоразумие, Умеренность, Справедливость, Стойкость — основные; Вера, Надежда, Милосердие — божественные. Тема грехов вдохновляла многих писателей Средневековья и эпохи Возрождения, включая Чосера, Данте, Спенсера, которые воплотили их в колоритных, запоминающихся образах. Давались описания ассоциирующихся с ними цветов, животных, а также на-

казаний, ожидающих грешников после смерти. На протяжении истории знаменитый список находил отражение в богословских и философских трактатах, в психологии, политике, популярной культуре, искусстве и литературе. Чем бы ни являлись в вашем представлении семь смертных грехов: обычными человеческими слабостями или же серьезными дефектами души, они подстегивают воображение и ставят неизбежный вопрос: а в каком смертном грехе готовы покаяться *вы*?

Притягательность этих стародавних грехов для современного человека, наша борьба с ними или их прославление могут многое сказать как о нашем постоянном желании познать человеческую натуру, так и о наших божественных устремлениях. Я надеюсь, что эта книга, как и остальные книги этой серии, пригласят читателей поразмышлять о грехе, добродетели, о духовном и о бренном.

Элда Ротор

Предисловие

Когда меня спросили, не хочу ли я принять участие в проекте издательства «Oxford University Press», запустившего цикл книг, посвященных семи смертным грехам, «гордыня», «чревоугодие» и «алчность» уже нашли своих авторов. То есть мне предложили выбрать из «гнева», «праздности», «похоти» и «зависти». «Чревоугодие», хотя его уже не было в списке возможных вариантов, казалось мне, худощавому человеку, в котором, перефразируя знаменитое высказывание Сирила Конноли, сидел толстяк, давно мечтавший вырваться на волю, весьма привлекательной темой. Не оставляла меня равнодушным и «праздность», потому что мой непоседливый харак-

тер (я из тех, о ком говорят: у него шило в одном месте) никогда не позволял мне вести размеренный образ жизни; и мысль о том, чтобы побездельничать хотя бы и на страницах книги — ведь в моей реальной жизни это совершенно невозможно, казалась мне чрезвычайно заманчивой. Замечу, что тема похоти оставила меня равнодушным. После определенного возраста — боюсь, я его уже достиг — проявление чрезмерного вожделения кажется неподобающим, если не сказать неприличным.

Нет, в конечном итоге, а может, изначально, «мой» грех — зависть. Один мой друг, психиатр, сказал мне, что я выбрал неподходящую тему, поскольку, по его словам, являюсь самым независтливым человеком из всех, кого он знает. Приятно думать, что это так. Но, будучи умеренно интроспективной личностью, я все же не так самонадеян. В жизни я испытываю достаточно, и даже более чем достаточно, зависти и имею все основания писать о ней. Возможно, существует определенная категория людей — святых: мужчин, которых природа ода-

рила сильным и красивым телом; ослепительно прекрасных женщин; наследников миллионных состояний, — которым неведомо чувство зависти, но позвольте мне в этом усомниться. Считается, что человеку свойственно ошибаться, но вот завидовать свойственно наверняка.

«Что-то он слишком часто стал мелькать на экране».

Я вовсе не хочу показаться бунтарем, но все же мне кажется, что из семи смертных грехов зависть — самый коварный, потому что незаметно проникает

и в остальные шесть: жадный человек завидует богатству; от зависти определенно страдают и те, кто подвержен похоти и чревоугодию (разве приятно видеть, что кто-то всюду наслаждается сексом или вкусной и обильной едой?); зависть примешана и к гневу, пускай и скрытая, тлеющая где-то в глубине души; неразрывно связана с ней и гордыня, стоит уязвить гордыню, и можете не сомневаться, вслед за ней тут же возникнет зависть, как вслед за поражением возникает досада. Но я надеюсь, что не чрезмерная гордыня заставляет меня размышлять о зависти, моем собственном очаровательном смертном грехе.

Прежде чем начать говорить о зависти как таковой, следует несколько слов сказать о семи смертных грехах в целом. В пятидесятых годах XX века Иэн Флеминг, который тогда был членом редакционной коллегии лондонской «Сандэй Таймс», предложил выпустить семь коротких рассказов, посвященных смертным грехам, — по одному на каждый. Идея была встречена с энтузиазмом. Известнейших

английских писателей попросили написать очень коротко о разных грехах: Энгусу Вилсону досталась зависть, Эдит Ситвелл — гордыня, Сирилу Коннелли — алчность, Патрику Ли Фермору — чревоугодие, Ивлину Во — праздность, Кристоферу Сайксу — похоть, У.Х. Одену — гнев. Ах, в те дни по земле ходили истинные летописцы греха!

В пятистраничном вступлении к своей книге Иэн Флеминг посвящает несколько слов каждому из семи традиционных смертных грехов и замечает: «Как неинтересна была бы без них жизнь, какими скучными и унылыми были бы мы с вами, не добавляй они живых красок нашим лицам». Он также обращает внимание на тот факт, что литература нуждается в грехах (ведь эта тема неисчерпаема) так же, как художник нуждается в палитре. Флеминг предложил усовершенствованный, или, как он полагал, новый список семи смертных грехов: алчность, бессердечие, снобизм, лживость, самодовольство, душевная трусость и злоба. Заканчивает он свое вступление, как мне кажется, очень верно, перечнем семи смертных

добродетелей: умеренность, милосердие (проистекающее из эгоизма), общительность, уважение (когда есть опасность, что оно перетечет в лезть), аккуратность (при невоздержанности), чистоплотность (когда становится патологической) и, наконец, целомудрие (как маска сексуальной холодности).

Будучи автором недавно вышедшей книги о снобизме, одном из грехов по классификации Флеминга, и на настоящий момент главным в стране, а возможно и в мире, экспертом в этой области, я не могу устоять перед соблазном перечислить семь самых тяжелых, по мнению снобов, прегрешений. Это — фанфары, пожалуйста! — подавать в компании телятину и/или кочанный салат; отправлять детей в колледж, созданный на средства, полученные от продажи земли, предоставленной государством; признаваться, что голосовал за Джорджа Буша, старшего или младшего; иметь кадиллак «SUV»; публично высмеивать джинсы; и открыто признаваться в своих симпатиях к полным женщинам, сладкому вину и Чайковскому.

И все же семь классических смертных грехов не перестают быть тяжкими и серьезными. От них никуда не деться. Они отражаются не только в постоянных моральных категориях, принятых в человеческом обществе, но также и в литературе. Достаточно просто взглянуть на огромное количество афоризмов, чтобы обнаружить, что без семи смертных грехов французские философы-моралисты и прочие писатели остались бы не у дел.

Остается загадкой, откуда берется зависть, как, впрочем, неизвестно, откуда берется мудрость. Люди, твердые в вере, возможно, скажут, что зависть возникла из первородного греха и является частью того опыта, который Адам и Ева приобрели после изгнания из рая. В Библии полно историй о зависти, некоторые посвящены ее открытому проявлению, но большая часть — тайному. Сущность зависти заключается в ее потаенном характере, в ее завуалированности. Зависть — самая тайная из всех эмоций, тайная настолько, что зачастую человек сам не осознает, что именно она руководит его поведением.

Любопытно, что все философы, наиболее остро писавшие о зависти, были холостяками: Кант, Кьеркегор, Шопенгауэр и в первую очередь Ницше. Понимайте это, как хотите. Ницше говорил, что женатый философ — это смешно. Несомненно, он имел в виду Сократа — для примера, этого величайшего мыслителя его жена, Ксантиппа, таскала домой за ухо.

Когда невысокий, горбатый, не сомневавшийся, что умрет молодым (так и случилось: ему было сорок два, когда он умер), Серен Кьеркегор взирал на мир, у него, казалось, должно было быть много поводов для зависти. Но вместо того, чтобы завидовать, он предпочел заняться изучением этого порока, отмечая среди прочего, что он наиболее распространен в провинции. Кьеркегор рано обратил внимание на тот факт, что в классовом обществе, где равенство является целью, к которой стремятся все, зависть развита сильнее всего. Зависть, писал Кьеркегор, «принимает форму классовых различий, и тогда как неистовый век ускоряет, поднимает и низвергает,

возвышает и обесценивает, задумчивый, инертный век, наоборот, сдерживает и служит помехой, он уравнивает». Но подробнее о зависти и классовости вы узнаете чуть позже.

Иммануил Кант, совершая ежедневные прогулки по Кенигсбергу, пришел к убеждению, что зависть является совершенно естественным, свойственным мужской природе (справедливости ради, заметим, что и женской тоже) чувством, и лишь то, каким образом она проявляется, превращает ее в гнусный порок, страсть, не только терзающую и мучающую того, кто ее испытывает, но и разрушающую счастье остальных и заставляющую человека забыть о долге как перед самим собой, так и перед другими людьми. Зависть мешает тому, в чьем сердце она поселилась, поскольку, по мнению Канта, она, преувеличивая чужие достоинства, мешает нам видеть свои собственные. Кант также рассматривал неблагодарность как составляющую часть зависти, часть человеческой ненависти, которая является полной противоположностью человеческой любви.

Тема ненависти выступает лейтмотивом многих сочинений Ницше. Этот немецкий философ полагал, что костры французской и всех последовавших за ней революций разгорались из искры зависти. Он был склонен считать, что нищие духом завидуют тем, кто духовно богат. Ницше писал: «Золотые ножны жалости скрывают лезвие зависти». Он считал, что «иногда тем, что у нас есть друг, мы обязаны тому счастливому обстоятельству, что не даем ему повода для зависти». Все это абсолютно совпадает с тем, что однажды написал один философ: «Народ [под этим автор подразумевает нацию] — это обходной маневр природы с целью получить шесть или семь выдающихся личностей».

Из всех философов, размышлявших на тему зависти, мне более всего импонирует Шопенгауэр. Но я вообще питаю слабость к этому мыслителю, чьи труды легко читаются даже в плохом переводе, — так велика была его природная мощь, и чья мрачность была так блистательна, что, когда перевернешь последнюю страницу («Мои ночи были не-

проглядны, — писала Ира Гершвин. — Наедине с Шопенгауэром»), весь остальной мир автоматически становится светлее. «Человек по сути дикое, отвратительное животное», — пишет Шопенгауэр, и цивилизация призвана укрощать и обуздывать его. Но, по стойкому убеждению философа, ей это редко удается. Ибо в «нашем безграничном эгоизме в груди почти каждого человека ненависть, гнев, зависть, злоба и ярость накапливаются, словно яд в зубах ядовитой змеи, и лишь ждут случая излиться наружу, а затем, бушевать и свирепствовать, подобно выпущенному на волю демону». В общем, Шопенгауэр явно не из тех, кого можно назвать весельчаком.

И все же я намереваюсь вкратце изложить, что думал Шопенгауэр о ненависти. «Когда люди чувствуют себя несчастными, им невыносимо смотреть на кого-то, кто, как они думают, счастлив». Совершенно естественно и неизбежно «человек, видя чужое благополучие, начинает еще сильнее ощущать свою собственную неполноценность». Философ на-

поминает нам, что «зависть всегда сопровождается ненавистью». И развивает тему, заявляя, что самую сильную зависть вызывают природные, врожденные способности и дарования других людей: высокий интеллект, особый талант (например, музыкальный или математический) и красота.

Философы находят зависть настолько естественной для человека, настолько пронизывающей абсолютно любое общество, что, читая их труды, понимаешь — одним из ее элементов является наша оценка своих и чужих поступков. Чтобы она была искренней и честной, нужно убедиться, что на нее не влияет зависть. А для этого необходимо понять механизм действия последней: что ее вызывает, питает, и куда она может завести.

Сталкиваясь в жизни с серьезной неудачей или непоправимым несчастьем, каждый из нас задает себе один и тот же вопрос: «Почему я?». Перед завистником же, когда он *видит* кого-то, более удачливое, чем он сам, встает другой вопрос: «Почему не я?». Почему она красивей меня? Почему он бога-

че и могущественней, чем я? Почему все они обла-
дают талантами и способностями, недоступными мне?
Лорд Честерфилд сказал, что «люди ненавидят тех,
кто заставляет их чувствовать свою неполноцен-
ность». Очевидно, именно это и заставляет нас воп-
рошать: «Почему меня обошли? Почему не я?».

В некоторых сферах деятельности зависть распро-
странена сильнее, чем в других, и я подозреваю, что
литература занимает в этом списке первое место. Еще
одно минное поле — научные круги. (Возможно, я
сужу по своему опыту, и на самом деле, среди сте-
гальщиц одеял и борцов сумо зависть процветает
столь же пышно). Если вы хотите знать, как пахнет
зависть, отправляйтесь в Гарвард, Йейль, Принстон,
Чикаго, Беркли или Стэнфорд, когда фонд Мак-
Артура распределяет там гранты за гениальность.
В литературных кругах, так же как и в научных, ме-
рила славы, денег и прочих атрибутов успеха доволь-
но расплывчаты и потому постоянно служат предме-
том споров, которые сеют в душах коллег по цеху
семена зависти, обиды и озлобленности.

Многие из афоризмов британского эстетика и критика Уильяма Хэзлитта, собранных в сборнике под названием «Характеристики», посвящены зависти. «Те, кто более всего сокрушаются о себе, — пишет он, — сильнее всего завидуют другим: так самые слабые и трусливые оказываются самыми мстительными». Английский писатель Арнольд Беннетт 1 апреля 1908 года отметил в своем дневнике: «Пологаю, что я счастлив настолько, насколько это вообще возможно». Спустя четыре недели появляется новая запись: «Ощутил в себе отчетливое чувство ревности [автор имеет ввиду зависть], когда вчера и сегодня читал о постановке пьесы Сомерсета Моэма — уже третьей. Еще, читая сегодня в «Дейли Ньюс» полную энтузиазма статью о новом романисте, я выискивал в ней хоть намек на то, что он все же не такой уж хороший писатель. Таким образом, я обнаружил, что его главный герой, в общем-то, совершенно обычный, и т.д., и т.п.». У Синтии Озик есть прекрасный рассказ под названием «Зависть, или Идиш в Америке» о поколении писателей-иммигрантов,

которые, живя в США, писали на идиш и из-за отсутствия хороших переводчиков были лишены шанса получить сколько-нибудь серьезную литературную премию, каждый раз достававшуюся Исааку Башевису Зингеру. «Почему Остовер [герой книг Зингера]», — вопрошает автор. — «Почему не кто-то еще?».

В своем мрачном романе о пластической хирургии «Правосудие налицо» английский писатель Л.П. Хартли рисует лишенное надежды общество будущего, в котором все люди, независимо от пола, внешне, а на самом деле и внутренне, совершенно идентичны. Согласно государственному указу у всех должны быть одинаковые лица. Вряд ли кто-то удивится, узнав, что затея провалилась. Мораль этой истории такова: нельзя достичь равенства и уничтожить зависть, по крайней мере, не в этой жизни.

Капиталисты, процветающие в условиях свободного рынка, возможно, напротив, считают, что зависть не такая уж плохая вещь. Она будит в людях желание, заставляет их покупать товары: в конце

концов, единственный способ быть не хуже других — это покупать еще больше. В этом свете вся рекламная индустрия может рассматриваться всего лишь как огромная и сложная машина по производству зависти. Вся демонстрация роскоши — нарядов, автомобилей, украшений и тому подобного — призвана убедить обывателей, что любое желание исполнимо, были бы деньги. Это, конечно же, не так, но даже будь это правдой, зависть все равно не дремала бы — и вечный двигатель торговли тому порукой. Разве может иначе, если, стоит нам отвернуться, и знаменитая «невидимая рука рынка» Адама Смита показывает нам длинный и костлявый средний палец?

Название короткого рассказа Дэлмора Шварца, «Ответственность начинается во сне», замечательно, хотя и не совсем логично, ведь справедлива и обратная ситуация: во сне кроется также и начало безответственности. Мне кажется, что зависть тоже родом из снов, зачастую из тех, что мы видим наяву. Ведь одним из главных предметов наших мечтаний

являются вещи, которых мы не имеем, не можем или, возможно, не должны иметь. И как правило, это то, что есть у других. Почему у них? И снова у тех из нас, кому знакомо чувство ненависти, возникает вопрос: «Почему не у нас?» На последующих страницах мы попытаемся проанализировать различные аспекты этого вопроса.

Это – не ревность

Из семи смертных грехов только ревность не приносит никакого удовольствия. Праздность, как и гнев, тоже может показаться лишенной радости, но все же ничего не делать приятно, а вспышка гнева приносит облегчение, что тоже имеет свою прелесть. Зато зависть может быть самым вероломным — а возможно и самым коварным — из всех смертных грехов. Очевидно, что именно в этом пороке люди менее всего склонны признаваться, поскольку в противном случае им придется согласиться с тем, что они, по всей вероятности, недоброжелательны, злы и неблагородны. Зависть, похоже, и самый распространенный из грехов. За исключением Сократа, Иисуса Христа, Марка Аврелия, Святого Фран-

диска, матери Терезы и еще нескольких имен, все мы ощущали уколы зависти, пускай и разные по интенсивности, от совсем слабых до мучительных, прямо-таки разъедающих душу. Из-за столь широкой ее распространенности (я читал, что слово, означающее зависть, есть во всех известных языках мира) нетрудно прийти к мысли, будто зависть — это грех, наилучшим аргументом в пользу которого является тот факт, что он представляет собой часть человеческой природы.

Что же такое зависть — «чувство», «эмоция», «грех», «природная склонность» или «мировоззрение»? Сюда же можно отнести тест Роршаха: скажи, чему ты завидуешь, и узнаешь о себе много нового. Не исключено, что все вышперечисленное и даже больше. Ясно одно: что бы ни включало в себя это понятие, оно чрезвычайно многозначно, это одно из немногих слов современного английского языка, которое сохранило способность шокировать. Большинство из нас вряд ли лишится сна, будучи обвиненными в любом из оставшихся шести смертных

грехов; но обвинение в зависти станет поводом для серьезного огорчения, настолько очевидно оно направлено непосредственно на личность обвиняемого. Остальные смертные грехи, хотя и вызывают религиозное осуждение, не унижают и не оскорбляют человека так глубоко. Одной из самых отвратительных особенностей зависти является присущая ей мелочность.

Определение зависти, которое вы найдете в словарях, не очень удачно: «(1) *уст.* злоба; (2) тягостное или досадное осознание того, что кто-то другой пользуется тем или иным благом, в сочетании с желанием обладать таким же». Оксфордский словарь английского языка предлагает кое-что получше: согласно определению, приводимому в этом словаре, зависть — это, во-первых, «враждебное или неприязненное чувство; недоброжелательность, злоба, неприязнь», и, во-вторых, «активное зло, вред, урон». Оба эти определения считаются *неясными*. И лишь третье из приводимых в замечательном словаре определений заслуживает внимания. В нем зависть опи-

сывается как «чувство досады и неприязни, вызываемое размышлениями о том, что кто-то владеет превосходящим по размеру богатством», в этом значении слово «зависть» впервые стало использоваться около 1500 года. Есть и четвертое определение, в котором слово используется вне «контекста недоброжелательности» и означает: (а) «желание быть равным другому в успехе или мастерстве; соперничество», и (б) «стремление к благам, которыми наслаждается другое лицо». Аристотель в своей «Риторике» пишет о соперничестве как о белой зависти или о зависти, находящей свое выражение в восхищении и, как следствие, в попытке развить качества, вызвавшие ее. Необходимо добавить, что зависть обычно не проявляется таким образом. В ней вообще мало хорошего, и, как известно тем из нас, кто хоть раз ощутил ее ядовитый укол, избавиться от нее не так просто.

Определения, которые даются в словарях, не отражают важного различия между завистью и ревностью. Большинство людей не улавливают разницы

между этими двумя понятиями и часто ошибочно считают их почти синонимами. Я полагаю, что так было не всегда. Г.У. Фаулер не включил статьи об этих двух словах в свой великолепный «Словарь современного английского употребления», вышедший в 1926 году, полагая, что ранее никакой путаницы по этому поводу не возникало. Брайан А. Гарнер в своем «Словаре американского словоупотребления» (1998 г.) подчеркивает, что «внимательный автор различает эти понятия», однако, сам слегка путается в них. Он пишет, что «использование термина *ревность* ограничивается контекстом дел сердечных, а термин *зависть* применяется более широко для обозначения чувства обиды по отношению к более успешному индивидууму».

С чувством глубокого удовлетворения от того, что мне представилась возможность обойти такого признанного эксперта в области лексикологии, замечу, что это не совсем так. На самом деле разница заключается в том, что *ревнивец ревнует то, что есть у него, а завистник завидует тому, что есть у*

других. Ревность не всегда уничижительна; в конце концов, мы можем ревновать к общественному положению, гражданским правам или славе. Понятие зависти, за исключением тех случаев, когда оно используется в упоминаемом Аристотелем соревновательном смысле, уничижительно всегда. Если ревность, говоря метафорическим языком, «чудище с зелеными глазами», то зависть — чудище красноглазое, косое и близорукое. И она никогда не бывает привлекательной или милой.

Хотя если сравнивать зависть и ревность, последняя зачастую бывает более неистовой, а также более реалистичной: в конце концов, иногда ревнивцу удастся справиться с собой. Кроме того, ревность не всегда носит только сексуальный характер. Можно ревностно относиться — и совершенно справедливо — к своей репутации, честности и другим хорошим качествам. Но практически невозможно оставаться правым, завидуя: зависть, по определению, ошибочна.

Кроме зависти в соревновательном смысле слова есть только один аспект этого чувства, который не

кажется мне отталкивающим, а именно та разновидность зависти, которую испытываю я сам, и, смею думать, многие их тех, кто читает сейчас эту книгу: я называю ее религиозной завистью. Ее испытывают к тем, кто обладает истинной, глубокой и осмысленной верой, помогающей пережить самые трудные и темные времена. Если вы сами не религиозны, но при этом хотите испытать это чувство, я настоятельно советую вам прочесть письма Фланнери О'Коннер. В них рассказывается история тридцатилетней женщины, чье яркое дарование только раскрылось в полную силу; она знает, что ей суждено умереть до срока, но вера в Бога помогает ей уйти достойно, не жалуясь и не страшась. Недавно, будучи в Вене, я слушал, как мне кажется, великолепное исполнение Девятой симфонии Бетховена и был взволнован до глубины души. Но хотел бы я знать, насколько сильнее затронула бы меня эта музыка, если бы я был более религиозен: ведь Девятая симфония кажется мне произведением, насквозь пронизанным духом христианской веры. Увы, религиозная зависть — это

зависть, с которой ничего нельзя поделать, кроме как смиренно испытывать ее.

Кроме того, зависть необходимо отличать от просто сильного желания. Так, глядя на людей, пользующихся преимуществами высокого положения в обществе, мы хотим быть такими же или же вдруг остро ощущаем, как здорово было бы снова стать молодыми; или страстно желаем стать богаче; или жаждем быть более высокими, стройными, мускулистыми, ловкими и красивыми. Все это — проявления желания. Зависть никогда не бывает такой общей, она всегда конкретна — по крайней мере, та ее разновидность, которая мучает сильнее всего.

Завистники чаще всего бывают несправедливы. «В зависти, помимо всего прочего, присутствует тяга к справедливости, — писал Уильям Хэзлитт. — Незаслуженный успех приводит нас в куда большую ярость, чем когда он достается кому-то по праву». В этом утверждении, конечно, есть доля истины, но мне лично кажется, что она не так уж велика. И почти всегда зависть выражает чувства более личные,

чем стремление к справедливости. В работе «Болезнь к смерти» Кьеркегор писал, что «восхищение — это счастливое самоустранение; а зависть — унылое самодовольство». Зависть задается главным вопросом: А как же я? Почему у других есть красота, талант, богатство, власть, слава и другие блага, или во всяком случае они наделены ими щедрее, чем я? Почему не я?

Дороти Сайерс в небольшой работе, посвященной семи смертным грехам, пишет: «Зависть — великий уравниватель: если ей не удастся дотянуться до верхней планки, она ее понижает... В лучшем случае, зависть — это честолюбец и сноб; в худшем — разрушитель — она скорее станет всех нас считать жалкими людишками, чем признает, что есть кто-то удачливее нее». Проникающий в наше сознание яд, зависть обычно сосредоточена не на том, чего нет у нас, но на том, что есть у других. В зависти присутствует элемент злобы, заставляющий завистника «разрушать счастье других», как отмечал в «Метафизике нравов» Иммануил Кант.

Иногда мы беззлобно называем что-то — чужую жизнь, здоровье, успехи — «завидными». Точно так же можно сказать: «Я завидую тому, что ты будешь два месяца отдыхать на юге Франции», не вынашивая при этом планов, как бы расстроить эту поездку. Или, скажем, вы говорите: «Я не завидую его ответственной работе», и это всего лишь означает, что вы рады, что у вас нет таких проблем. По-видимому, должно существовать слово, означающее промежуточное звено между завистью и восхищением, так же как должен существовать термин для обозначения переходной ступени между талантом и гениальностью. Должны, но не существуют. Язык так несовершенен.

Зависть нельзя путать и с открытым конфликтом. Предположим, у одного есть нечто, являющееся предметом вожделения для другого, — клиенты, высокое положение или рейтинг, место на государственной службе, влиятельный пост, — и тот борется за желаемое более или менее агрессивно, но открыто. И эта откровенность меняет характер игры. За-

висть практически никогда не проявляется открыто; она таится, интригует, ведет подковерные игры. Гельмут Шоек, автор, пожалуй, самой фундаментальной книги о зависти, которая так и называется «Зависть: теория социального поведения», в своем сочинении замечает, что она «всегда представляет собой скрытый, потаенный процесс, наличие которого невозможно доказать». За завистью, если квалифицировать ее именно как таковую, должна маячить тень — а иногда и нечто более осязаемое — злоба.

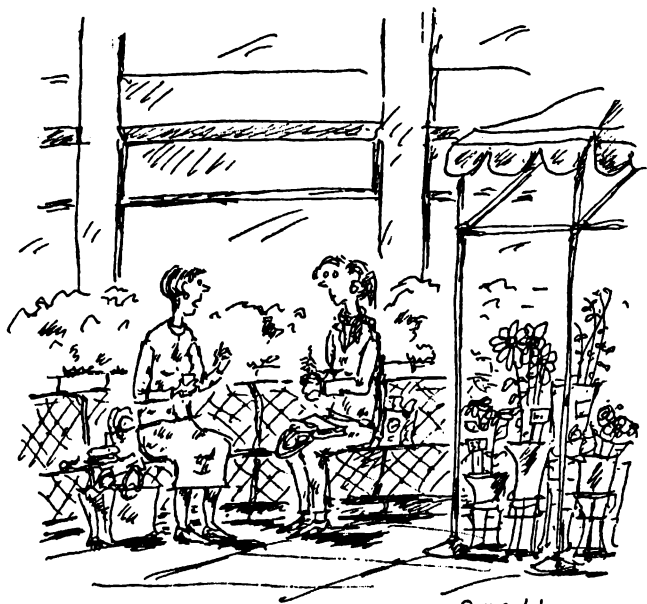
Злобы, которой нет названия, холодной, но скрытой враждебности, бессильной страсти, затаенной неприязни и недоброжелательности, что так обильно расцветает под сенью зависти. Ларошфуко изящно вскрыл нарыв зависти, написав: «В несчастье наших лучших друзей мы всегда находим нечто приятное для себя». Да, весьма приятное. Старая добрая зависть.

Как распознать зависть

Специалисты по смертным грехам подразделяют их на импульсивные и осознанные. Похоть, гнев и чревоугодие, согласно этой классификации, относятся к импульсивным, плотским грехам, в основе которых лежат материальные страсти; гордыня, жадность, праздность и зависть — грехи осознанные, проистекающие из состояния души. Последние считаются более позорными, непростительными и (кроме праздности), по сути своей, более тяжкими. И зависть, наверное, — самый тяжкий из всех.

Как распознать завистника? По его физической форме, предлагает Гораций: тот, кто страдает от зависти, словно бы иссыхает, худеет. Возможно, именно поэтому Шекспир, рисуя портрет Кассия, пи-

шет, что он «тощ, в глазах холодный блеск». Но позже Дж. А. Пауэрс в своей великолепной повести «Принц тьмы» замечает, что «толстый человек презирает худого и завидует ему». Это, как говорится, просто образ.

«Завидую тебе — жаль, что у меня не такие близкие отношения с родственниками, чтобы жить отдельно».

Здесь очень пригодилось бы руководство по определению зависти. Та часто скрывается за иронией, искусством говорить одно, а думать другое. Остерегайтесь также чрезмерной насмешливости, даже когда ее объектом служит сам говорящий, ведь как сказал Поль Валери, «при ближайшем рассмотрении мы обнаруживаем, что насмешка имеет привкус зависти». Многие склонны смеяться над тем, что им недоступно. Зависть также имеет тенденцию к захватыванию. «В то время как в случае неподдельного восхищения между поклонником и предметом обожания всегда сохраняется дистанция, — писал врач-психиатр Лесли Фарбер, — зависть обрушивается на свою жертву, прикрываясь щитом из комплиментов, не только чтобы самой скрыться под личиной восторга, но и чтобы замаскировать страстное желание завистника обладать тем качеством, которое и породило зависть». Отсюда мораль — смотрите в глаза тем, кто кланяется слишком низко.

Можно предположить, что существует некий психологический портрет завистника. Но, к сожа-

лению, из предисловия У.Джеррода Пэрротта к вышедшей под его редакцией книге «Психология ревности и зависти» становится ясно, что «в целом, мало что известно об индивидуальных различиях в подверженности зависти». Почему одни люди испытывают лишь легкие ее уколы, если вообще знают, что это такое, а в других она вселяет дух соперничества и как следствие стремление к самосовершенствованию, третьих же зависть превращает в бурлящий котел, плюющийся ядовитой желчью? То, что зависть является тайным грехом, еще больше затрудняет процесс ее определения. Люди неохотно признаются в том, что они подвержены этому пороку, и еще меньше у них желания называть вызвавшие ее причины. Лесли Фарбер отмечает, что «зависть в силу своей природы настойчиво противится разоблачению», а ее «многогранный характер» и «талант к маскировке», по-видимому, и объясняют тот факт, что «она редко становится объектом изучения». Так и есть: никому не удастся провести, к примеру, опрос на тему, кому и чему

завидуют люди, затея провалится, как только респонденты поймут, чего от них хотят.

Все существующие на сегодняшний день теории основываются на том, что зависть является нормальным человеческим поведением. В первую очередь это касается фрейдизма. Задумайтесь, сколько зависти сосредоточено в центре фрейдистской психологии; по Фрейду, зависть, возможно, главная валюта в ментальной экономике. Начнем с Эдипова комплекса, который есть не что иное, как зависть сына к праву отца спать с матерью. Затем вскользь коснемся «зависти к пенису», которую, предположительно, испытывают все девушки и женщины по крайней мере до тех пор, пока речь не заходит о раке простаты. Соперничество между детьми — это тоже зависть, или борьба за родительскую любовь. Похоже, что зависть лежит также и в основе сублимации. Человек делает вид, что хочет одного, тогда как на самом деле хочет, или втайне завидует, совершенно другому: «Художник отказывается от власти, денег и любви пре-

красных женщин ради своего искусства, — сказал Фрейд, — через которое он надеется получить власть, деньги и любовь прекрасных женщин». Можно сказать, что во фрейдистской вселенной именно зависть заставляет вращаться миры.

В психологии Мелани Кляйн зависть скрывается за стремлением ребенка к груди матери, на которую он жаждет установить абсолютное право собственности или пожизненную аренду. «Можно сказать, — пишет д-р Кляйн в своей работе «Зависть и благодарность», — что очень завистливый человек ненасытен, он никогда не познает удовлетворения, поскольку его зависть рождается внутри него и потому всегда находит для себя новый объект». Ребенок завидует «материнской груди. Та легкость, с которой выходит молоко — хотя младенец вполне доволен этим — также дает начало зависти, поскольку этот дар кажется чем-то недоступным». У.Х. Оден однажды заметил, что «девизом психологии должно быть: «Вы слышали это?»»

Фрэнк Дж. Саллоуэй в своей книге «Рожденный восстать: порядок рождения, динамика семьи и творческая жизнь», в которой говорится о важности порядка рождения в семье, утверждает, что детское соперничество из-за родительской любви определяет в дальнейшем не только нашу личность, но также наши политические убеждения и даже сексуальную ориентацию. Саллоуэй полагает, что «в зависимости от порядка рождения, пола, физических особенностей и темперамента дети выбирают для себя различные роли в семье. Что в свою очередь обуславливает различные способы заискивания перед родителями». По своим взглядам Саллоуэй близок скорее к дарвинизму, чем к фрейдизму, но и разделяющий философию фрейдизма психоаналитик Франц Александер, кажется, приходит к такому же заключению, когда пишет: «Зависть и соперничество уходят корнями глубоко в детство, скрыто присутствуют в человеке, когда он становится взрослым, и влияют на его отношения с другими членами общества».

Так не в семье ли закладываются основы не только неврозов, как утверждает Фрейд и его последователи, но и, если верить Саллоуэю, зависти? Может ли зависть сама быть источником еще больших неврозов? Хотя подобные теории и выглядят очень привлекательными, многие люди, опираясь на собственный опыт и будучи в высшей степени откровенными, не могут найти подтверждения ни одной из них. Это касается и меня. Мне знакомо чувство зависти, и я признаю, что часто бываю довольно взвинченным, если не сказать нервным, но я уверен — ни моя зависть, ни моя нервозность не имеют никакого отношения к моей семье. Мне приятно думать, что я сумел развить их самостоятельно.

Марксизм, о котором также можно сказать, что в его основе лежит зависть, тоже не может аргументированно доказать происхождение зависти. Когда я говорю, что в основе марксизма лежит зависть, я имею в виду, что великая пролетарская революция, которую он обещал, на самом деле была обещанием покончить со всеми источниками зави-

сти. Марксизм даже постулирует человеческую природу и, следовательно, людей как стремящихся к равенству. Это заявление не легко доказать, но на нем зиждется теория Маркса, и именно благодаря ему она по сей день не утратила привлекательности. Великая классовая борьба ведется из-за завидных преимуществ, которые высшие слои общества имеют над низшими, — преимуществ, которые, пускай даже ценой кровопролитной революции, должны быть устранены. По этой причине марксизм называют кровавым культом, в костер которого дрова подкидывает зависть.

И все же, мне кажется, вполне возможно быть фрейдистом или марксистом, не будучи мотивированным главным образом, или даже отчасти, завистью. И дело здесь в том, что не существует какого-то определенного человеческого типа, который больше других подвержен этому пороку. Из произведений Еврипида, Шекспира, Стендаля, Диккенса, Мелвилла, Ф. Скотта Фицджеральда и мно-

гих других мы знаем, что у зависти много личин. Но в жизни, в отличие от литературы, зависть может подкрасться незаметно, а затем будет проявляться только время от времени; или наоборот полностью подчинит себе личность человека. Иногда она бывает холодной и рациональной, иногда абсолютно бестолковой. Определенно можно сказать лишь одно: чувство зависти вряд ли способно сделать кого-то счастливым. Совсем наоборот.

В каждом из нас заключено, по крайней мере, три разных человека: тот, кто появляется на публике; тот, кого знает только наше непосредственное окружение (члены семьи и близкие друзья); и, наконец, тот, кто известен только нам самим, со всеми его устремлениями, обидами, фантазиями, желаниями, которые мы не готовы открыть чужому взгляду. Эта самая скрытая из всех наших личностей не свободна и от зависти, прячущейся в самых темных уголках нашего «я», она не способна к самопознанию, и в отношении нее не действует закон противоречия. Здесь ча-

сто властвует подсознательное. Таким образом, мы завидуем даже тому, чему, как нам известно, мы завидовать не должны: экстравагантному до нелепости дому, прекрасной, но глупой возлюбленной, престижной должности, всему тому, что так или иначе способно положить конец обычным человеческим радостям и разрушить нашу жизнь. Но кто сказал, что у зависти есть логика?

Тайный грех

Первый документально зафиксированный случай проявления зависти — история о Каине и Авеле — описывается в христианских священных текстах. Когда Господь предпочел плодам земли, принесенным Ему в дар Каином, агнцев Авеля, это переполнило чашу терпения старшего из братьев. Думаю, что здесь будет уместно процитировать Книгу Бытия (4:8): «И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его». Эти персонажи Ветхого Завета, как и сам ветхозаветный Бог, как сказали бы люди интеллектуального труда, «ведут себя демонстративно». Так, в рассматриваемом нами случае, Каин продемонстрировал свою зависть. Это, как позднее стало ясно ему

самому и многим завистникам, что жили после него, было не очень умно.

Из десяти заповедей самое непосредственное отношение к зависти имеет десятая. Помните? «Не желай жены твоего ближнего и не желай дома твоего ближнего, ни его поля, ни его раба, ни его рабыни, ни его вола, ни его осла, ни всего, что есть у твоего ближнего». Желать — означает очень сильно хотеть обладать чем-то, что принадлежит другому, проще говоря, завидовать. Автору заповедей, отличному знатоку человеческой души, было хорошо известно, что такое необузданное желание является ключевым элементом зависти. У моего соседа, друга, даже у моего брата есть нечто такое, чего нет у меня: начиная от одобрения в глазах Господа и заканчивая волом более сильным, чем мой собственный, или чем-то совсем уж незначительным. Для завистника это просто невыносимо.

Почему у него есть, а у меня нет? Вот главный и, возможно, единственный вопрос, мучающий завистников, у которых чувство несправедливости развито

сильнее, чем у других людей, хотя бы потому, что оно эгоцентрично. К тому же их удел — непрекращающееся соперничество, и не видать им ни сна, ни отдыха до тех пор, пока они не станут первыми среди неравных. Завистники ощущают вселенскую несправедливость вкупе с неизбывной злобой всякий раз, когда то или иное благо почему-то достается другому. Почему у соседа более просторный дом, более красивая жена, более престижная работа и более приятная жизнь, чем у меня? Ответ очевиден: ничего такого этот сукин сын иметь не должен.

Хотя тем из нас, кому знакома настоящая зависть, не нужно подробно объяснять, что представляет собой это чувство, все же позвольте мне попытаться составить его краткое психологическое описание для тех, возможно, слишком доброжелательных читателей, которых миновала чаша сия. Вы видите некую вещь, хотите ее, считаете, что единственно правильным и разумным было бы, если бы она принадлежала вам, а не тому, кому она принадлежит сейчас. Как только несправедливость факта, что объектом ваших

желаний обладает другой человек, установлена — обычно это не занимает много времени — того сразу же необходимо объявить ничтожеством, хотя бы про себя. Ваши собственные неоспоримые достоинства являются само собой разумеющимися. Чего не скажешь о низких качествах этого наглеца; о них вы можете размышлять снова и снова. Что бы ни было объектом вашей страсти — предмет искусства или роскоши, чья-то дружба или любовь, престиж, который приносят должность или положение в обществе, или иные жизненные блага — мир начинает казаться лишенным совершенства до тех пор, пока у кого-то все это есть, а у вас нет. Это чувство становится навязчивым. Вы обнаруживаете, что думаете об этом чаще, чем должны были бы, и понимаете, что ни о чем другом думать уже не можете. (Ведь навязчивая идея возвращается снова и снова — и уже не покидает вовсе).

Спокойствие и здравый подход к объекту зависти вскоре исчезают. Если вы умны и сохранили некоторое самообладание, вы не станете вести разговоров на

эту тему. Если же вы не можете похвастаться особенным умом и к тому же не в состоянии контролировать себя, то начнете говорить об этом постоянно, тем самым выдавая свое в некотором роде безумное желание. Но в любом случае, тщательно скрываемая или же выставленная на всеобщее обозрение, зависть не станет напоминать вам о том, что человек — это звучит гордо, не говоря уже о вашем собственном достоинстве. Если благодаря ей вы и узнаете о себе что-то новое, то скорей всего это открытие не поднимет вас в ваших собственных глазах.

Необходимо подчеркнуть, что объект зависти должен входить в «ближний круг». На протяжении многих лет одним из самых знаменитых людей в Чикаго был защитник «Чикагских медведей», ныне покойный Уолтер Пейтон. По-настоящему великий спортсмен, он завоевал все возможные награды, какие только сулила ему футбольная нива, те самые истинные желания, которые сублимировал художник у Фрейда, — слава, деньги, власть и любовь прекрасных женщин. (Ему также посчастливилось быть

джентльменом во всех смыслах этого слова, как и приличествует человеку, чье прозвище «Сладкий»). Было бы абсурдом с моей стороны завидовать ему. Мне не достает воображения, чтобы даже представить такую ситуацию, и если бы я все-таки завидовал Уолтеру Пейтону, полагая, что у него было нечто, что на самом деле должно принадлежать мне, меня с полным основанием можно было бы назвать сумасшедшим.

В одной газете я прочитал, что Кэти Курик, ведущая утреннего ток-шоу «Сегодня», будет получать 15 миллионов долларов в год, если заключит контракт с компанией NBC. Должен ли я завидовать ее зарплате? Нет, ведь для того, чтобы зарабатывать на телевидении такие огромные деньги, нужно иметь мозги, как у мисс Курик, а их не жалко оценить и в 30 миллионов.

И все же я достаточно сумасшедший, чтобы завидовать не слишком хорошему писателю, получившему стипендию фонда Макартуров: он получит

почти полмиллиона долларов просто за то, что он посредственность,

Будет ли неправильным завидовать университетскому преподавателю, который зарабатывает в два раза больше, чем зарабатывал я сам, когда преподавал, причем, по слухам, делал это гораздо хуже?

Где заканчивается ощущение, что мир устроен несправедливо, и начинается зависть? Вместо того, чтобы клеймить в себе зависть, гораздо удобнее развить с ее помощью хороший вкус, критический склад ума, способность к трезвой оценке. «Свет зависти, свет ненависти, свет гордыни, — отмечает героиня Поля Валерии господин Тест, — ...У кого нет болевых точек? Этих незаживающих ран, глубокомысленных, утонченных и проникновенных страданий, этой материи, слишком чувствительной, чтобы быть глубокой?» Обычно заканчивается тем, что люди, страдающие от зависти, чувства слишком отвратительного, чтобы поведать о нем миру, со временем начинают скрывать его даже от самих себя.

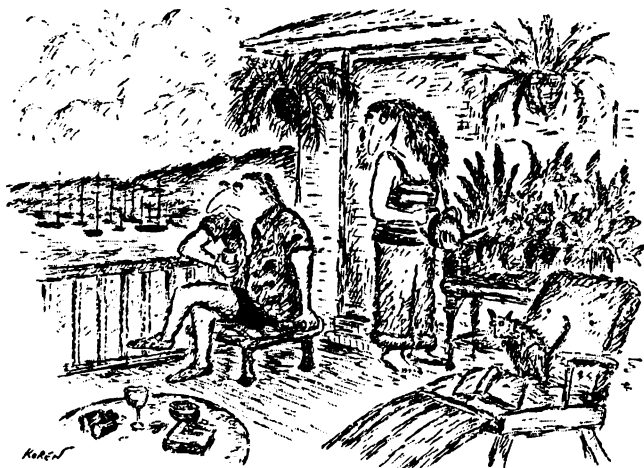
Конечно, зависть бывает самая разная — умеренная, сильная, сдержанная, пылкая. Но отвратительней всего зависть в чистом виде: когда завистник не просит никаких благ для себя, главное, чтобы они не достались соседу. На эту тему есть замечательный анекдот: как-то англичанка, француз и русский нашли пресловутую бутылку, выпустили из нее джинна, и тот, естественно, предложил им загадать по одному желанию. Англичанка говорит: «У моей подруги есть очаровательный коттедж в Котсуолде, так вот я хочу точно такой же, только чтобы в нем были еще две дополнительные спальни, вторая ванная, а напротив дома чтобы тек ручей». Француз подумал и говорит: «У моего друга есть очаровательная любовница, блондинка, и мне тоже хотелось бы иметь такую же, только рыжую, с длинными ногами, чуть покультурней и поэлегантней». Дошла очередь до русского, и тот начинает рассказывать про соседскую корову, дающую много жирного молока, из которого получают отличнейшие сливки и масло. «И чего же хочешь?» — спрашивает джинн. — «Хочу, чтоб корова сдохла», — отвечает ему русский.

Правда ли, что красота одинока?

Кто острее чувствует зависть, мужчины или женщины? Этот вопрос опасно напоминает тот, который Гера и Зевс задали прорицателю Тиресию, чье тело было наполовину женским, наполовину мужским. Они спросили: кто получает больше удовольствия от секса? Когда бедняга ответил, что женщины, Гера, разгневавшись, вырвала ему глаза.

На вопрос о том, кто больше страдает от зависти, также не существует ответа, по крайней мере при сегодняшних социологических стандартах. Хотя у женщин и мужчин предметы зависти чаще всего бывают разные. Я думаю, что мужская зависть относится — внимание, сейчас последует очень науч-

ный социологический термин! — исключительно к сексуальной сфере.

«Опять на что-то обиделся?»

Мужчины склонны испытывать чувство огромного отвращения — в данном контексте «зависть» является более подходящим словом — к тем представителям своего пола, о которых обычно говорят «возмутительно красивый». Оскорбляет, естественно, не внешность, а то, чего можно с ее помощью

добиться, то есть успех у женщин. Погоня за ними, наверное, самый древний из мужских видов спорта, и тот, кто, по мнению, окружающих, чересчур хорошо экипирован для этого, автоматически вызывает зависть.

Но, значит, вполне может быть, что мужская зависть в значительной степени связана с сексуальным успехом или возможностью такового. Дэвид Райсман еще в пятидесятых годах XX века отмечал в своей книге «Одинокая толпа», что большинство современных мужчин вполне спокойно уживаются с теми, кто обладает более внушительными материальными благами, но мысль о том, что у кого-то более насыщенная сексуальная жизнь, для них почему-то совершенно невыносима. («Тот, кто стремится быть, как все, незащищен перед своей завистью... он не хочет лишаться... тех жизненных благ, которые, как он думает, есть у других»). Одним из аргументов, подтверждающих правдоподобность этой теории, является тот факт, что люди в основном испытывают зависть к представителям своего пола. То есть, я хочу

сказать, что мужчины почти никогда не завидуют женщинам. Случается, конечно, что в корпорации несколько вице-президентов мужчин исходят завистью к генеральному директору — женщине. Но в основном — по многим причинам — мужчины, даже очень завистливые, обычно равнодушны к женским деньгам, украшениям и даже к их власти над миром. Зато они смертельно завидуют мужчинам, способным обратить на себя внимание этих самых женщин.

Когда женщины завидуют мужчинам, зависть носит более общий характер. Однажды за обедом я сидел рядом с некой писательницей, которая, жалуясь на свое одиночество, сказала мне, что не может не думать о том, насколько иной была бы ее жизнь, если бы она была мужчиной такого же возраста, как она сама, и тоже опубликовавшим три книги. «У меня была бы полноценная общественная жизнь, вокруг было бы полно интересных молодых женщин, — говорила она. — Но как пятидесятичетырехлетняя женщина, даже несмотря на все мои литературные успехи, я никому не кажусь привлекательной, желанной

и сексуальной. Все было бы совсем иначе, будь я мужчиной». Думаю, что скорей всего эта дама была недалеко от истины.

В основе современного феминистского движения, как мне кажется, лежит обезличенная, обобщенная зависть. Женщины хотят иметь то, что, по их мнению, есть у мужчин: свободу в выборе профессии, супруга, возможности жить так же безответственно (во всех областях), как живут мужчины. Думаю, большинство женщин возразят, что феминистским движением руководит не зависть, а острое чувство несправедливости. И они будут правы, но мне хотелось бы добавить только, что зависть и чувство несправедливости не всегда легко отделить друг от друга.

Можно представить женщину, или же нескольких женщин, завидующих своей красивой товарке, завладевшей вниманием всех находящихся в комнате мужчин. (Шопенгауэр сказал, что у поистине прекрасной женщины не может быть настоящих подруг.) Или же женщину, завидующую другой, у которой жизнь складывается более удачно. А проще

всего представить себе, как одной подруге не дает покоя мысль, что ее собственные дети на так успешны, как дети другой.

Женская зависть представляется мне обычно личной и конкретной, какой она и должна быть, а мужская часто бывает более необузданной и сумасбродной, она то и дело возникает из фантазий и завышенной самооценки. Возможно, это происходит из-за того, что мужчины обладают большей свободой, которой, судя по всему, они предпочитают не пользоваться. Не так давно один мой друг спросил меня, много ли я знаю бабников. Я признался, что немного. «Уверен, — сказал он, — они ни о чем не жалеют, ну, может, только, что не обольстили еще больше женщин». В голосе приятеля мне послышалась едва уловимая зависть. Я мог бы заявить ему, что большое количество сексуальных партнеров не может заменить настоящей любви; не может, говорю я себе; нет, я точно знаю, что не может. Но ведь я тоже мужчина, и мне тоже интересно, почему я не могу иметь все сразу — много женщин и настоящую любовь.

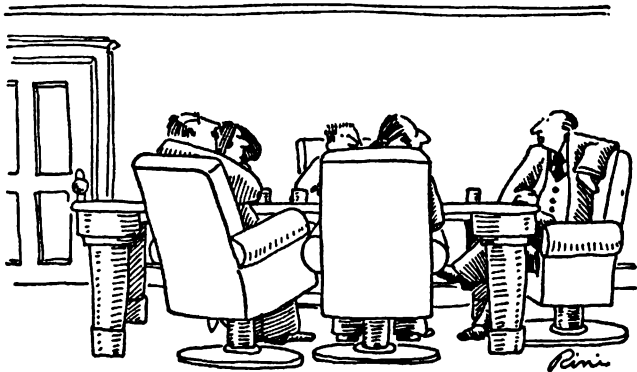
Мужская зависть более обширна, чем женская. Мужчине все кажется возможным, ну или, по крайней мере, не совершенно невероятным. Мужчины способны завидовать, например, спортсменам, при этом не отличаясь хорошей координацией и физической формой; или владельцам огромных состояний, хотя сами не могут похвастаться ни деловым чутьем, ни честолюбием; или художникам, будучи лишены какого-либо таланта.

Недавно я смотрел по телевизору концерт Саймона и Гарфункеля в Центральном парке. Хотя я не пишу песен, не являюсь обладателем сколько-нибудь замечательного голоса и не играю на музыкальных инструментах, это не помешало мне смеяться над жутким париком Пола Саймона и его жеманным исполнением коротких жалостливых песенок, но при этом меня не оставляла мысль: почему этому коротышке удастся вызывать восхищение сотен тысяч ньюйоркцев, а мне такое обожание и не снилось? Глупо, конечно, но это так.

Может быть, мужчины не завидуют женщинам потому, что рассматривают их как одно из жизненных благ? (Некий генеральный директор в разделе финансовых новостей «Нью-Йорк Таймс» объяснял акционерам, что доходы их компании снизились, так как в прошлом году слишком много денег было потрачено на выпивку, женщин и скандалы; там же он пообещал, что в новом году администрация компании под его руководством резко сократит расходы на скандалы.) Женщины не относятся к мужчинам подобным образом. Но теперь, когда их свобода позволяет им участвовать в погоне за главным призом, не падут ли они жертвой всех прочих разновидностей зависти — маленькой и большой, рациональной и бестолковой. Если да — а я подозреваю, что именно так и случится, — то их можно будет только поприветствовать на празднике, где стремительно вращается карусель неослабевающих желаний, желаний, которые пробуждают дух соперничества, фантастических надежд, жестоких разочарований. Добро пожаловать в мир завистников, дамы!

Сверкающие призы

Так чему же завидуют люди? В самом общем виде перечень объектов зависти включает богатство, красоту, власть, талант и способности, знания и мудрость, а также удачливость. (Я бы еще добавил молодость, о которой мы поговорим чуть позже). Какие-то из вышеперечисленных качеств человек получает при рождении; другие приобретаются ценой огромных усилий. В лучшем из миров кто-то может быть богат, красив, могущественен, эрудирован, наделен талантом и мудростью и, очевидно (учитывая все вышеперечисленное), умопомрачительно удачлив. В реальном же мире удачливым считается человек, который обладает хоть одним из названных качеств.

«У нас, говорю, не вызывают доверия те, кому еще и тридцати нет, а у них уже миллиард в кармане».

Если кто-то применительно к себе может сказать, что он обладает одним или несколькими завидными качествами, то скорей всего они окажутся отнюдь не из разряда особенно желанных. Например, я не знаю ни одной красивой женщины, которая бы не считала, что ее красоту решительно портит какая-то обычно незначительная деталь, и это совершенно отравляет ей жизнь. («Ради бога, взгляните на мои лодыжки!») Если только это не происки зависти, самые красивые люди оказываются довольно неумными;

вероятно, их красота позволяет им не слишком заботиться о развитии интеллектуальных способностей. Богатые хотят быть красивым или мудрыми; а мудрые, если они и вправду мудрые, знают, что мудрость начинается с признания в собственном невежестве, так на кой черт это нужно.

Ф. Скотт Фицджеральд сказал: «У меня нет двух главных качеств: животного магнетизма и денег. Однако я обладаю двумя второстепенными: удачливостью и умом». Не думаю, что Фицджеральд был завистливым человеком, — его заклятый друг, Эрнест Хемингуэй, по-моему, страдал от этого порока гораздо сильнее — но, взбалмошный от природы, он очень хорошо знал, каково это — сильно желать чего-то. Наверное, будь у него деньги, он бы не возражал бы против вечеринок, которые устраивал на Лонг-Айленде Джей Гэтсби; несомненно, он бы обожал эти восхитительные рубашки. Возможно, он даже захотел бы жениться на такой женщине, как Дейзи Бьюкенэн из Лейк Форест, штат Иллинойс, на ее более добросердечной версии, конечно. Но,

будучи писателем, Ф. Скотт Фицджеральд, воспользовался алхимией, которой владеют все настоящие художники, и сумел превратить свою зависть в желание, а затем — о, чудо! — в искусство.

Нам же остается справляться со своей завистью более традиционными способами. К счастью, у большинства из нас приступы зависти редки и непродолжительны. Я смотрю на сильного и грациозного танцовщика и жалею, что сам не могу изобразить что-нибудь подобное. Я читаю книгу, полную замечательных мыслей, изложенных безупречным языком, и думаю о том, как хорошо было бы, умей я писать столь же талантливо. Я иду обедать с тремя друзьями и, когда подают горячее, вижу, что из всех четырех мой заказ оказался самым незатейливым. Глядя в тарелки друзей, я чувствую разочарование в сочетании с, как я ее называю, «завистью к главному блюду». (*Futterneid* — немецкий термин для общего обозначения зависти, вызываемой продуктами питания). Все это — при-

меры мимолетных ощущений, но чем больше в них желания, тем ближе они к истинной зависти.

Гельмут Шоек в своей книге, посвященной зависти, доказывает, что подлинная зависть вспыхивает не по отношению к тем, кто весьма и весьма талантлив, но к тем, чье положение кажется лишь немногим лучше, чем наше собственное. «Огромное, разительное неравенство, — пишет он, — особенно, когда в нем есть элемент недостижимости, вызывает гораздо меньше зависти, чем неравенство минимальное, которое неизбежно заставляет завистника думать: «На его месте мог бы быть я».

И еще кое-что. Невозможно завидовать Биллу Гейтсу — или какому-нибудь очень привлекательному человеку — но знать, что кому-то, кто выполняет такую же работу, как и вы сами, платят на десять тысяч долларов в год больше, невыносимо. Еще очень просто завидовать счастливицам: людям, которые каким-то необъяснимым образом оказываются в нужном месте в нужное время, или всегда

ставят на фаворита, или обладают магическим даром превращать в деньги все, к чему прикасаются, вызывать всеобщую любовь или постоянно оставаться в выигрыше.

Зависть особенно процветает в мире искусства и науки. Непопулярные авторы часто завидуют популярным, если только популярность последних не так велика и вульгарна, что первые могут подменить зависть снобизмом и списать чужой успех на эту самую вульгарность. Напряженное соперничество между равными может привести к зависти: по моим наблюдениям, редко три-четыре выдающихся деятеля в той или иной интеллектуальной сфере стараются употреблять в адрес друг друга добрые слова. Зависть обычно дает о себе знать, когда создается впечатление, что кто-то готов слегка опередить остальных. Некоторые сферы более наполнены завистью, чем другие. Писатель и сценарист Фредерик Рафаэль упоминает о «зависти и блеске лондонской жизни». Жизнь среди художников, писателей и интеллектуалов Нью-Йорка кажется мне довольно похо-

жей. Как мало нужно для того, чтобы заставить одного преподавателя мучиться от зависти из-за трогательно малых привилегий, доставшихся другому: лучший кабинет, немного меньшая нагрузка, изменчивое обожание студентов. За несколько лет преподавательской работы, если человек пишет хорошо, и ему удастся выйти за рамки учебной аудитории, благодаря доступному языку, его запишут в «популярнаторы». Из зависти, конечно.

У моей дорогой покойной матушки, которая была равнодушна к блеску, имелся довольно-таки кричащий кадиллак. Однажды, застряв в пробке у аэропорта О'Хара, я предложил ей высунуть из машины руку, чтобы кто-нибудь пропустил ее, и она смогла бы перестроиться в другой ряд. «Вряд ли из этого что-нибудь получится, — сказала она и посмотрела на меня, словно дивясь моей наивности. — Глядя на эту машину, люди думают, что я могу и подождать».

Исследования, описываемые, например, в книге Роберта Х. Фрэнка «Опьянение роскошью», пока-

зывают, что люди не против зарабатывать меньше денег до тех пор, пока они получают больше, чем их соседи: то есть, они будут охотнее зарабатывать, скажем, восемьдесят пять тысяч долларов в год при условии, что никто из их окружения не будет получать больше семидесяти пяти тысяч, вместо того, чтобы зарабатывать сто тысяч, при условии, что окружающие станут получать сто двадцать пять тысяч. Х.Л. Менкен, находивший особое удовольствие в изучении пороков и показного проявления демократического духа, однажды охарактеризовал удовлетворение по-американски как возможность зарабатывать на десять тысяч долларов в месяц больше, чем свояк.

Один из моих последних афоризмов звучит следующим образом: «Пусть лучше вам завидуют, чем жалеют». Хотя, возможно, не все со мной согласятся. «В жизни лучше всего, — считает Джош Биллингс, — быть не настолько богатым, чтобы вызывать зависть, но и не настолько бедным, чтобы вызывать осуждение». Кто-то наверняка предпочтет богатство и охотно позволит ему стать причиной за-

висти окружающих. Человеку, в котором сильно развит дух соперничества, может даже нравиться, когда ему завидуют, — вполне вероятно, что он находит жизнь бессмысленной, если ему не удастся поддерживать у друзей, родственников и всех, кто его окружает, легкое, а возможно, и сильное чувство безнадежности.

Самые примитивные племена жили в постоянном страхе вызвать зависть; их беспокоила реакция сородичей, соседних племен, но больше всего они боялись, как бы их удача не навлекла на них гнев богов. Гельмут Шоек пишет: «Почти все суеверия происходят из этой исключительной боязни зависти и могут быть интерпретированы как система ритуального контроля окружающей обстановки, направленная на предупреждение ее возникновения». Некоторые из этих суеверий существуют и в наши дни. Католики осеняют себя крестом. «Кайн айин хора», — говорили иудеи старшего поколения, что означает: «пусть дурной глаз не проклянет мою удачу». Менее религиозные люди стучат по дереву, когда надеются,

что им будет сопутствовать успех. Я сам часто так делаю, предварительно произнеся: «Кайн айин хора». Это ведь не повредит, правда?

Когда я впервые решил написать о зависти, редактор журнала, которой я рассказал о своих планах, спросила, известно ли мне, что я сам вызываю у окружающих жгучую зависть. Сказать по правде, я считал себя удачливым, но едва ли способным вызвать у кого-то такое неприятное чувство. Когда же я спросил, о чем конкретно она говорит, редакторша объяснила, что мои статьи пользуются спросом в большинстве серьезных изданий; что я обеспечил себе достойное существование, занимаясь делом, которое люблю больше всего; что я получил множество доказательств признания моего таланта, в том числе премий; и что, в результате всего этого, моя жизнь со стороны представляется просто чудесной. Так все это или нет, но я утверждаю, что вовсе не ощущаю вокруг себя особенной зависти. Определенно у меня нет ничего общего с Гете, о котором Макс Шелер

пишет, что он (Гете), знал, что «его славная и богатая жизнь... само его появление вызывало ядовитый поток».

Я не считаю себя интересным объектом для завистников, но уверен в своей удачливости: мне повезло найти свое дело в жизни, причем довольно рано, и, в общем, ничто особенно не мешало мне заниматься им; со временем у меня появилась своя собственная аудитория; и, наконец, я всегда имел возможность работать без какого-либо принуждения или давления. Я не нахожу в этом ничего, достойного зависти, одно только проявление чертовской, невероятной, удивительной удачи.

Так неужели моя неизменная удачливость — «Кайн айин хора», стучу по дереву — в конце концов привела меня в число тех, кто вызывает зависть у окружающих? Мне трудно в это поверить. Хотя я стал замечать, что становлюсь все более и более скрытным в том, что касается моих профессиональных успехов. Мне нравится думать, что я никогда

не был хвастлив, но теперь, когда меня предупредили о вызываемой мною зависти, я не распространяюсь о своих удачах, поскольку страх пробудить в ком-то это черное чувство прочно вошел в мое сознание. Так что не удивляйтесь, что, если вы спросите меня, насколько удалась мне последняя книга, или какой гонорар я получил за статью или интервью, то я отведу глаза и обрисую положение дел в менее радостных красках, чем есть на самом деле.

Молодежь, черт бы ее побрал

Из всех вещей, которые мир полагает завидными, только одна является практически универсальной — молодость. Даже самые щедрые души порой завидуют молодым, просто из-за того, что у тех все еще впереди. Я бы не хотел снова стать молодым, заявляет кто-то, однако, говоря так, он, возможно, сам этого не осознавая, признается, что устал от жизни.

Очевидно, что молодые не завидуют молодости — у них вызывает зависть нечто другое: богатство, положение в обществе, жизненный опыт, власть — но почти любой, кто чувствует, что его лучшие годы уходят или уже ушли, не может смотреть на сияние юности, «золотую молодость» без вздоха, свидетельству-

«Вашему пищеварению любой позавидует!»

ющего о страстном желании, которое так легко превращается в зависть. Обычно она носит общий и безобидный характер, но иногда может оказаться невероятно ядовитой.

У молодых есть здоровье, энергия, упругое подтянутое тело, и они, как правило, редко задумываются о том, что однажды их жизнь закончится. Бесмысленно напоминать им, что уровень смертности неизменно составляет сто процентов. Много лет на-

зад я возглавлял в Литл-Роке, штат Арканзас, программу по борьбе с бедностью. Было решено, что она будет называться «Приемные дедушки и бабушки» и позволит неимущим старикам зарабатывать на жизнь, присматривая за детьми, когда родители заняты на работе. Проблема оказалась в том, что пожилые люди не всегда — и даже не часто — испытывали симпатию к молодым. Точно так же их не приводила в восторг вся эта мелюзга, которая будет ходить по земле еще долго после того, как они сами окажутся под ней. Программа, не принявшая в расчет зависти старшего поколения к младшему, оказалась обречена на провал.

Кто-то иногда задумывается, а что если так называемый конфликт поколений, разгорающийся вновь примерно каждые двадцать лет, не так серьезен, как эмоциональные отношения, воспламеняемые и питаемые завистью со стороны старшего поколения? Часто это зависть с оттенком сожаления. Человек видит красивых молодых людей и, вспоминая собственную юность, испытывает грусть оттого, что

та безвозвратно прошла. Такое печальное сожаление, когда к нему добавляется гнев, легко превращается в зависть. Поэт Дик Аллен пишет:

Прелестный юнец подает отвратительному старику
Разогретое блюдо, но соус уже остыл.

Зависть к молодости, таким образом, представляется переплетенной с сожалением и страстным желанием. И никому не удалось сказать об этом лучше, чем поэту Филипу Ларкину. Себя он называл «плешивым лососем», носил очки, был толст и имел большие проблемы с алкоголем. Создавалось впечатление, что Ларкин всегда был пожилым, и он постоянно думал о неотвратимости смерти. (Умер он в возрасте 63 лет). Несмотря на то, что у него были подружки, поэт любил представать в образе подавленного, обездоленного мужчины. Его стихи полны желания, в основном носящего неприкрыто сексуальный характер, и четкого ощущения, что каким-то непостижимым образом счастливый шанс всегда выпадает кому-то другому. Одно из самых

знаменитых стихотворений Ларкина начинается словами:

Секс начался
В шестьдесят третьем
(Поздновато для меня) —
Между концом анафемы «Леди Чаттерлей»
И первой пластинкой «Биттлз».

Дальше все становится еще хуже. Внезапно, пишет Ларкин, дискуссии на тему секса, которые были обычным делом во времена его собственной юности, прекратились, и:

Каждый чувствовал то же.
И каждая жизнь стала,
Словно восхитительный сорванный банк,
Беспронгрешной игрой.

За исключением, естественно, Филипа Ларкина. В стихотворении «Высокие окна» он описывает, будто видит молодую пару и воображает, как они занимаются сексом, словно антилопы гну, пребывая в раю,

который никогда не был открыт для него самого, а теперь его двери и вовсе навсегда захлопнулись.

Каждый старик мечтает о том, что вот все
Его узы и дела отброшены,
Как будто старым уборочным комбайном,
И он, молодой, спускается вниз по склону
К счастью, бесконечно.

И опять, все, кроме Ларкина.

Представьте, что Филип Ларкин знакомится с английским актером по имени Пол Беттани, о котором я как-то прочел короткую заметку в рубрике «Человек месяца» в майском номере «Эсквайра» за 2002 год. Ее автор, счастливый в своем невежестве — он не заслуживает того, чтобы даже называть его имя, — выдает «бесценную» информацию, хотя Пол Беттани и наш с вами современник, что актер на четыре дюйма выше него самого, «с квадратной челюстью и вообще британец до мозга костей». В заметке приведены несколько высказываний Беттани, все как одно о половых органах, заканчивается же сей

опус историей о женщине, которая подцепила актера в баре и грозитя отвести его к себе домой, обещая устроить там изматывающий секс-марафон. Филип, это — Пол, Пол, это — Филип.

Я нисколько не завидую Полу Беттани. У меня нет ни малейшего желания оказаться в его теле, если вместе с ним мне достанутся его мозги, а я уверен, что именно так и было бы. Нет, из-за чего, по моему мнению, и завидуют молодым, так из-за великолепной физиологии — внутренних органов и кишок, половых членов и придатков, находящихся в отличном рабочем состоянии, да еще из-за их способности жить полной жизнью без порой незначительных, но всегда мучительных наказаний, которых не избежать, если то же самое пытаются делать старики.

Но сильнее, чем из-за здорового организма, старики — даже если разница в возрасте совсем незначительна — завидуют молодым из-за того, что у тех все еще есть масса времени совершить что-то впечатляющее. Редко найдутся мужчина или женщина, которые не хотели бы заново прожить большую часть

своей жизни: уж тогда бы они все сделали по-другому, осуществили бы неосуществленные мечты, использовали бы упущенные возможности, которых в первый раз даже не заметили. У молодых, черт их побери, всегда есть в запасе еще одна попытка, в то время как ваш порох истрочен на стрельбу по симпатичным зверушкам — фазаны давно скрылись в зарослях — которых, вполне возможно, никогда не существовало вовсе.

Молодость, как часто говорят, растрачивается на молодых. А ведь так оно и есть. Если бы у молодых был опыт стариков, они, возможно, не смогли бы наслаждаться своей юностью, вся прелесть которой — в неискренности. Жестокая правда такова: физические данные есть у нас до тех пор, пока мы не знаем, как их развивать; мы узнаем, как это делать, только после того, как данные исчезают. В этом заключается комизм ситуации. Нужно еще раз признать, что Господь — большой шутник.

Но главная драма разыгрывается, когда соперничество между поколениями исчезает и — извиня-

юсь за банальность — любовь побеждает все. В своей биографии писательница Айрис Ориго, автор книг о Байроне и Леопарди, пишет о своем ирландском дедушке, лорде Дезарте, в самой располагающей, благодарной манере. Вы поймете, почему, когда прочтете выдержки из двух писем этого достойного человека.

После долгой разлуки со своей юной внучкой Айрис, лорд Дезарт пишет: «С чисто субъективной точки зрения, я думаю, что переживаю самое долгое время без тебя и твоей мамы. Когда мы встретимся вновь, она, вероятно, останется все такой же, но ты сейчас в том возрасте, когда каждый день, месяц и год изменяют твой облик и поведение... Ты будешь другой Айрис, когда мы увидимся, и мне придется узнавать тебя снова. Ты, возможно, уже не будешь думать обо мне как о милом пожилом родственнике, но станешь воспринимать меня как древнего старикашку, который не имеет ни малейшего представления о твоих интересах и чаяниях. Но, поверь мне, я никогда не буду таким».

А потом, когда Айрис подросла, дед написал ей: «Я должен расстаться с тем ребенком, которого я так любил, но, возможно, я обрету юную женщину, которую стану любить еще сильнее. Наши точки зрения могут не совпадать, но любовь — самое лучшее, что есть в жизни, есть и другие вещи, на которые и старики и молодежь смотрят одинаково. У тебя слишком хорошо развито чувство юмора, чтобы ты могла позволить себе, в угоду идеалам другого поколения, с презрением относиться к тому, что думают или делают старые люди. Именно нетерпимость молодых и потребность в сострадании у стариков являются причиной ненужных страданий во многих семьях, и я верю, что мы сумеем этого избежать».

И им действительно это удавалось, ни зависть, ни какое-либо другое темное чувство никогда не омрачали нежной любви этих двоих.

Уроливое лицо ПОДЛОСТИ

Необходимо провести различия между завистниками и теми, кого зависть не сумела подчинить себе. Одни из нас испытывают лишь редкие и непродолжительные приступы зависти. (Черт, надо было тоже заказать лососину на гриле). Другие, в ком от природы силен дух соперничества, имеют склонность к зависти, если не целиком подвержены ей. Почему все внимание достается ему? А третьи — просто патологически завистливы. Завистью пропитан воздух, которым они дышат, она определяет их взгляды, суждения, мотивацию, это — образ жизни. С количественной точки зрения, самая большая популяция завистников — это, конечно, те, кто ис-

пытывает лишь легкие, быстрые уколы зависти, чуть больше тех, кто имеет к ней врожденную склонность. Что же до патологических завистников, то я никогда не встречал таких людей, разве что в литературе.

И даже в книгах завистники встречаются реже, чем ревнивцы. Ревнивые муж или жена, ревнивые любовники обоих полов — довольно распространенные персонажи романов и пьес. Но зависть, будучи более сдержанным чувством, чем ревность, не обнаруживает себя с такой готовностью. Если и существует книга, написанная мужчиной или женщиной, которыми двигала исключительно зависть, мне о ней не известно. Потребуется большой литературный талант, чтобы создать ее и не сделать завистливого рассказчика чересчур отвратительным.

Давайте вспомним такого персонажа (не рассказчика), гнусного Урию Гипа, из романа Диккенса «Дэвид Копперфилд». Его подобострастная приторная покорность — он всегда такой «ничтожный» — оборачивается в конце лишь маской, под которой

скрывается его глубокая социальная зависть к хозяевам, Уикфилдам, дочь которых он надеется заставить выйти за него замуж. Но сильнее всего Урия завидует Дэвиду Копперфилду, которому при изначально худших условиях, удалось подняться выше, чем самому Гипу.

«Недурная компания, нечего сказать! — так же приглушенно выговорил Урия, вытирая длинной тощей рукой липкий пот со лба. — Подкупить моего клерка, чтобы он меня оболгал! А ведь он из тех же подонков общества, что и вы, Копперфилд, — вы тоже были подонком, пока кой-кого не разжалобили» (Здесь далее перевод А. Кривцовой и Е. Ланна).

На следующей странице Дэвид Копперфилд замечает: «Я знал, что раболепие его [Урии Гипа] фальшиво, а поведение — гнусное притворство, но все же до того момента, когда с него слетела маска, я не представлял себе в полной мере, насколько он лицемерен. Быстрота, с которой сбросил ее, почувствовав, что она для него бесполезна, злоба, наглость и ненависть, которые в нем обнаружили, скрытая радость от

сознания содеянного им зла — даже теперь, когда он метался в поисках выхода из тупика, не зная, как от нас отделаться, — все это, правда, соответствовало моему мнению о нем, но в первый момент поразило даже меня, который так давно его знал и питал к нему искреннее отвращение».

Мораль этой истории в том, что никто не знает, насколько глубока может быть зависть, ибо она — подобно лживости, злобе, ненависти и наглости Урии Гипа — бывает бездонной. «Все — здесь, но смутно. Ранее конца у подлости не различить лица» (Здесь и далее перевод Б. Пастернака).

Эти слова произносит Яго («Отелло», акт второй, сцена первая) — согласитесь, сказать такое может только тот, кто не понаслышке знаком с предметом. Согласно этому критерию, Яго знает лучше всех. В царстве зависти он определенно — высшее творение, завистник над завистниками, человек, действующий из зависти до тех пор, пока не доводит до кровавого конца почти всех действующих лиц пьесы, в которой, как мне кажется, именно он должен быть

главным героем: «Яго», вот как она должна называться, а вовсе не «Отелло». Эту пьесу часто называют самым великим произведением, посвященным ревности, которую в разговоре с Отелло Яго определяет так: «чудище с зелеными глазами, глумящееся над своей добычей». Так оно и есть, но это зависть, которая задает тон и приводит в движение действие, переносит персонажей с места на место, словно мебель, приближает развязку.

Как все сочинения Шекспира, «Отелло» породил океан комментариев, содержащих советы, как читать пьесу и как воспринимать персонаж Яго. Я думаю, лучше всего понимать его не как абсолютное зло — хотя, Бог свидетель, это сам дьявол — но как зло, из-за плеча которого выглядывает зависть. Он завидует Кассио, когда тот раньше него самого становится лейтенантом; он завидует Отелло, ведь тот раньше флиртовал с женой Яго Эмилией; но, наверное, самую сильную зависть вызывает в нем благородство Отелло, качество, которое проявляется в том постоянно. Как злобная сущность Яго обус-

ловливается завистью, так и его ненависть питается ею на протяжении всей пьесы. Таковы разнообразные и загадочные формы, которые принимает зависть; она может быть почти безразличной, обращенной на вещи, которые в буквальном смысле слова не стоят на ее пути, как Кассио в шекспировской пьесе стоит на пути Яго.

Теперь возьмем величайшую повесть в истории западной литературы, «Билли Бад, фор-марсовый матрос». В начале ее Герман Мелвилл напоминает нам, что сам сатана страдал от зависти, и большая часть его поступков объясняется именно этим. Мелвилл пишет, что его невинный и красивый матрос Билли Бад «являл собой разительное подтверждение того, что архитолкователь, коварный эдемовский завистник, все еще имеет касательство к каждому человеческому грузу, прибывающему на нашу планету. И всякий раз ему так или иначе удастся сопроводить этот груз своей визитной карточкой, словно для того, чтобы напомнить нам: «Без меня тут дело не обошлось!» (Здесь и далее перевод И. Гуровой).

«Билли Бад» — это повесть о хорошем парне, которого погубил плохой парень, просто потому, что последний ненавидел первого за красоту и чистую, невинную душу. С первого взгляда капитанармус, своего рода начальник полиции на линейном корабле «Неустршимый», Джон Клэггерт, ощущает злобную зависть при виде «лазурноглазого» Билли, к которой, пишет Мелвилл, добавляется язвительный сарказм.

Мелвилл решает «попытаться набросать портрет» Джона Клэггерта, но предполагает, что ему это «навряд ли удастся». Клэггерт является носителем вируса «природной безнравственности», как называет ее Мелвилл, качества, примеры которого не так уж часто можно найти «в тюрьмах, а также на виселицах», а вот цивилизация вполне ему способствует. «Безнравственность такого рода драпируется в мантию благопристойности», она «чужда пороков и грешков» и не снисходит до «корыстолюбия и жадности», но за ее сдержанностью скрывается иррациональность. Люди, которым она присуща, пишет

Мелвилл, «подлинные безумцы, причем наиболее опасные, так как их сумасшествие проявляется не постоянно, но лишь от случая к случаю, при столкновении с чем-то, что их раздражает. Оно столь надежно укрыто, что в самых бурных своих проявлениях остается для умов обыкновенных неотличимым от здравомыслия: ведь по указанной выше причине, какова бы ни была их цель, она никогда не становится явной, а способ ее достижения и все внешние действия всегда выглядят вполне разумными».

По мере того, как история неумолимо приближается к трагической развязке, Мелвилл несколькими точными штрихами показывает, что за завистью Клэггерта к Билли Баду скрывается мономания. Мелвилл показывает себя тонким знатоком зависти. Рассуждая где-то в середине повести в слегка отвлеченной манере на эту тему, он говорит нам, что «немало людей, представавших перед судом, в чаянии смягчения кары признавали себя виновными в самых ужасных преступлениях, но кто и когда в подобных

обстоятельствах хоть раз сослался на зависть?». И добавляет: «И не только всякий спешит отречься от нее, но иные добрые души просто отказываются верить, что умный человек вообще способен поддаться зависти. Однако зависть гнездится в сердце, а не в мозгу, а потому никакой ум не может послужить от нее защитой».

Злобная зависть Клэггерта к Билли заставляет его лжесвидетельствовать против Бада. Когда бедняга Билли оказывается лицом к лицу со своим обвинителем, он, страдая от заикания, не в силах отвечать и потому — инстинктивно, фатально — наносит один единственный удар, стоивший Джону Клэггерту жизни. Для Билли Бада этот удар вдвойне фатален — теперь его должны повесить за то, в чем не было его вины. Мелвилл вкладывает свое заключительное слово в уста капитана Вира, Звездного Вира, известного своим педантизмом и сухостью, который говорит, что рассматриваемое дело представляется сомнительным и таинственным, «и, рассуждая умозрительно,

его следовало бы передать на рассмотрение ученых правоведов». Другими словами, настоящей тайной является то, кто вложил зависть в сердце Джона Клэггерта.

Кто вообще вкладывает зависть в человеческие сердца? С тех пор, как Мелвилл написал свою повесть, прошло уже больше столетия, а мы так и не знаем ответа на этот вопрос и по-прежнему ждем, что провидцы-ученые все-таки сумеют разгадать эту головоломку.

При капитализме человек завидует человеку. При социализме — наоборот

Говорят, что жадность — это грех, присущий капиталистическому обществу, а зависть — социалистическому. В этом, определенно, есть доля справедливости, причем немалая. Иногда, стараясь приукрасить ситуацию, говорят, что жадность — это чуть больше, чем зависть-соперничество. Капитализм предоставляет человеку свободу быть таким же богатым, а лучше еще богаче, чем все остальные. Социализм, размахивая знаменем всеобщего равенства, стремится к созданию общества, в котором никто не может иметь больше, чем другие: «От каждого по способностям, каждому по потребностям»,

если цитировать лозунг, которые когда-то вызывал в мире куда больший резонанс, чем сейчас.

Доктрина марксизма включает в себя много аспектов, но, пожалуй, самым важным из них является план отмщения за завистников. Как еще можно расценивать центральную идею философии Карла Маркса, вечную классовую борьбу, заканчивающуюся поражением и уничтожением аристократии, рантье, буржуазии, в общем, всех слоев общества, кроме рабочего класса, который, наконец, установит великую диктатуру пролетариата? «Только в марксизме, абстрактной и славной концепции пролетариата, униженных и оскорбленных, — пишет Гельмут Шоек, — непримиримая зависть полностью оправдывается». Это наводит на мысль, что, марксизм следует рассматривать скорее не как экономическую теорию, а как акт коллективной мести: призыв утопить богачей в их собственной крови подразумевается сам собой.

Зависть может быть истолкована как несправедливость, низведенная до личного уровня. Почему он, а не я? Фундаментальный вопрос завистников ле-

жит в основе вопроса о том, почему так несправедливо устроен мир. Одним из зол, которые стремился уничтожить социализм, наряду с несправедливостью, является зависть. Проблема, как показал дальнейший опыт революционного социализма, заключалась в том, что одни люди становились более равноправными, чем другие, что заставляло их уничтожать остальных. Они, однажды став первыми среди равных, имели к этому особую склонность и, как показала история (в Советском Союзе и в коммунистическом Китае), творили расправу в ужасающих масштабах.

Зависть, становясь обобщенной, начинает носить политический характер. Это происходит, когда значительная или, по крайней мере, достаточная часть общества чувствует, как писал Роулс в своей «Теории справедливости», обиду на тех, кого «больше интересует качество предметов, которыми они владеют, чем сами предметы. Представителям высших слоев общества завидуют из-за их огромных состояний и возможностей; те, кто завидует им, хотят того же самого для себя». Частная зависть носит более

индивидуальный, более личный характер, в ней более откровенно прослеживается алчность, и те, кто подвержен ей, склонны обвинять во всем не существующую общественную систему, а небеса.

Говоря словами Роулса, «мы можем рассматривать зависть, как склонность враждебно относиться к большему благу других, даже если они более удачливы в жизни, чем мы». Таким образом, «зависть носит общеуничижительный характер; человек, который завидует другому человеку, готов совершать поступки, приносящие вред им обоим, если только различие между ними не сокращается существенно». Особенно хорошо это видно на примере крупных вспышек классовой борьбы. В конце 1970 — начале 1980-х гг., когда казалось, что профсоюзы мертвой хваткой держат британскую промышленность, один мой английский друг, сам выходец из рабочего класса, рассказал мне, что, когда профсоюзным деятелям говорят о том, что их агрессивная политика угрожает потопить экономику страны, они обычно отвечают: «Приятель, все отлично, пока эти

привилегированные убудки идут на дно вместе с нами». В них говорит зависть в своей самой агрессивной политической форме.

По мнению Джона Роулса, хорошо организованное общество будет прилагать все усилия, чтобы «минимизировать, если не предотвратить» появление условий, которые порождают зависть. Посредством своих институтов, в число которых входят и те, что обеспечивают действительно беспристрастное правосудие и максимально достижимое равенство возможностей, оно (общество) может избежать возникновения серьезного имущественного неравенства среди своих граждан. Роулс также отмечает, что «в хорошо организованном обществе достаточное количество добровольных объединений [церквей, клубов, союзов и т.п.], каждое из которых имеет свою собственную стабильную внутреннюю жизнь, помогает уменьшить контрастность человеческих возможностей, или, по крайней мере, сделать ее менее болезненной». Все это предполагает, что те члены общества, которые обладают некими преимуществами, не выставляют

их напоказ, «рассчитывая, таким образом, принизить положение тех, чьи возможности не так велики», что в мире, все больше подпадающим под власть рекламы, сделать не так-то просто. Зависть, утверждает Джон Роулс, представляет проблему для любого общества, которое почитает себя справедливым, и никому еще не удалось доказать обратное.

Более широкий масштаб проблема приобретает, когда зависть выходит на мировую арену. Многие — кое-кто написал бы «почти все» — войны разгорались из-за зависти, которую один народ питал к земле и богатствам, которые есть на ней, другого народа, или же из-за бдительно охраняемых сокровищ, которым, по мнению этого другого народа, угрожает опасность со стороны их менее богатых соседей, которые в свою очередь должны испытывать зависть к их более высокому положению. Для предотвращения возникновения подобных ситуаций, стремлений к безраздельной власти используется иногда с большим, иногда с меньшим успехом политика уравнивания силы.

Кроме того, существует сильная зависть, которую народ одного государства испытывают к народу другого, поскольку последнему, как им кажется, живется намного легче. Рассматривая формы, которые может принимать подобная зависть, трудно удержаться от мысли, что она во многом носит антиамериканский характер. Эмоциональным лейтмотивом антиамериканских настроений, пишет Тимоти Гэртон Эш в эссе «Антиевропейские веяния в Америке», служит обида, смешанная с завистью. Этот вид зависти распространился в ужасающих масштабах после атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Многие антиамерикански настроенные представители интеллигенции в других странах заявляли, что атака террористов явилась результатом международной политики Соединенных Штатов, за их злобными выпадами явственно просматривается нечто более личное. Публикуя свои размышления в таких журналах, как «Лондонское книжное обозрение» или «Гранта» (журнал студентов Кембриджского университета, издается с 1889 г. — Прим. перев.),

специалисты европейских и других антиамерикански настроенных стран высказывают мнение, что Америка так или иначе заслужила подобную трагедию, что нечто в этом роде рано или поздно должно было произойти и что в этом, определенно, есть доля справедливости.

Некоторые из этих антиамериканских идей нашли свое воплощение в литературе. Драматург Гарольд Пинтер дает нам прекрасный пример этого, называя Америку «высокомерной, безразличной [к людским страданиям, надо понимать], презирающей международные законы», что приводит к возникновению «сильнейшей антипатии и отвращения от демонстрации американской мощи и мирового капитализма».

Для литературы — обычное дело, скажу я вам, но как назвать пронзительный вопль зависти, издаваемый, например, турецким писателем Орханом Памуком на страницах журнала «Гранта»? Первые впечатления о США он почерпнул из знакомства с маленьким американским мальчиком, жившим с бу-

дущим писателем в одном доме в Стамбуле, у которого были отличные мраморные шарики, таких не было ни у кого из местных мальчишек, и он кидался ими с балкона в Памука и его друзей: метафора для высокомерного презрения, порождаемого американским изобилием. В том же журнале вы найдете статью индийского писателя, Рамачандры Гута, в которой тот пишет, что «исторически антиамериканская идея в Индии формировалась через эстетическую неприязнь к главному дару американцев — умению делать деньги». Чилиец американского происхождения, Ариэль Дорфман, рассказывает о том, как у него на глазах надоедливый американский ребенок свалился в бассейн и начал тонуть, а он при виде этого вдруг ощутил «приступ безразличия» — почувствовал, «что это не мое дело, что в каком-то извращенном смысле мальчишка это заслужил». Рад сообщить, что Дорфман все же выудил ребенка из воды и раскаялся в своих жестоких мыслях, но остается вопрос: откуда берется такая злоба, если не из глубочайшей зависти?»

«Ужасна изжога зависти,.. — говорит герой романа под названием «Зависть» (1927 г.), написанной и опубликованной в СССР Ю. Олешей. — Зависть сдавливает горло спазмой, выдавливает глаза из орбит». Действующие лица этого произведения живут в кошмарно бюрократизированном, настоящем социалистическом обществе, и те, в ком еще остались хоть какие-то эмоции, знают, что их жизни ужасающе искорежены. «Мне было жаль его, — говорит рассказчик о своем отце. — Он уже не может быть красивым, знаменитым, он уже готов, закончен, уже ничем иным, кроме того, что он есть, он не может быть». И никто из персонажей романа, включая самого рассказчика, не мешал бездушной советской бюрократической системе работать на славу государства. Один из главных героев этой истории, весьма влиятельная персона, занимается тем, что создает совершенную колбасу. «Только не для нас, — говорит кажущийся безумным (но на самом деле таковым не являющийся) персонаж Иван Бабичев своей дочери, — а нам осталась только зависть, море зави-

сти...». «Я думаю, что равнодушие есть лучшее из состояний человеческого ума, — замечает тот же Иван Бабичев. — Будем равнодушны». Мораль мрачной истории, рассказанной Олешей, по-видимому, такова: тем, кто оказался запертым в обществе, якобы свободном от зависти, не остается ничего, кроме зависти к тем, кто имеет возможность жить вне его. И, конечно, ни одно общество не было более подвержено зависти, чем почивший в бозе (и никем не оплакиваемый) Советский Союз, в котором привычка «стучать» на соседей ради собственной выгоды позволила зависти стать образом жизни, причем очень удобным.

Ни одна из придуманных утопий, не важно какой ценой она стремилась сделать мир идеальным, оказалась не способна искоренить зависть.

Наши добрые друзья – евреи

Завидуют ли евреям? Трудно представить такое. Поскольку большую часть своей истории евреи официально подвергались гонениям в разных странах, где за время своего долгого изгнания находили пристанище, их участь скорее достойна жалости, нежели зависти. На протяжении многих столетий антисемиты даже не считали нужным скрывать свои убеждения. Возможно ли, чтобы за этой имеющей столь давнюю историю ненавистью скрывалась зависть, причем в одной из наиболее отвратительных форм, которые она когда-либо принимала?

Когда кто-нибудь задумывается о нередко впечатляющих финансовых и профессиональных успе-

хах евреев, его собственный внутренний радар, настроенный на волну общественного мнения, улавливает зависть как довольно частотную реакцию. Рассмотрим грубые статистические показатели, зафиксированные в 1936 г. в Вене, городе, в котором на тот момент проживало 90% католиков и лишь 9% евреев. Итак, среди юристов евреи составляли 60%, среди врачей — более 50, в рекламном бизнесе их было свыше 90%, а из 174-х редакторов газет евреями были 123. И это не считая того, что евреи занимали лидирующие позиции в банковском деле, розничной торговле, а также в сфере науки и искусства. Показатели, наблюдавшиеся в Берлине четырьмя—пятью годами раньше, были приблизительно такими же.

Естественно, возникает вопрос: не связан ли напрямую столь поразительный успех большинства ассимилированных евреев с тем бесчеловечным обращением, которому подверглись они в Германии и Австрии после прихода к власти нацистов? Прежние гонители иудеев — свирепые российские погромщики, грубые польские крестьяне, жаждущие мщения

арабы — мало задумывались о том, какой бы ужасной смерти их подвергнуть. Но нацисты, хотя и ушли дальше всех в деле истребления евреев, казалось, испытывали острую потребность сначала унижить свои жертвы. Так, по крайней мере, обстояло дело в Германии и Австрии, где еврейские женщины драли полы, еврейские врачи скребли булыжные мостовые Вены зубными щетками, в то время как молодые нацисты мочились на них, а еврейских стариков заставляли приседать до тех пор, пока те не теряли сознание или не умирали. Все это наводит на мысль о чудовищной по своему замыслу попытке уровнять чаши весов, на одной из которых видны явные отпечатки мерзких лап зависти. Евреи в Германии и Австрии не только занимали первые позиции в рейтингах, но и в глазах завистников имели уж слишком много прав — и теперь пришло время заставить их заплатить за это. Зависть выплескивалась наружу, как никогда прежде.

Как в Европе, так и Америке называли различные причины невероятного успеха евреев, среди них

много интересных, но ни одной убедительной. Первой по хронологии и злобности считаются пресловутые «Протоколы сионских мудрецов», которые сообщают о международном еврейском заговоре: евреи якобы помогают евреям опутать весь мир сетью столь коварной, что трудно себе даже представить. Главной же причиной успешности евреев в наше время называют то, что самым перспективным евреям Европы удалось спастись, и, таким образом, создать некий очищенный и сильно улучшенный генофонд. На мой взгляд, звучит не слишком убедительно. Наиболее распространенной и относительно разумной является теория, согласно которой евреи отличаются повышенной сообразительностью потому, что из-за существующего в отношении них предрассудка они вынуждены были находить новые, необычные способы пробиться в жизни.

Но даже до того, как появились документальные свидетельства успешности евреев, они становились объектом зависти, природу которой сформулировать еще сложнее. В центре иудаизма, если не в центре

всей еврейской жизни, лежит обособленность. Часть бремени существования «богоизбранного народа», как он назван в Библии, заключалась в том, что евреи должны были провозглашать и поддерживать свою обособленность, что они и делали миллионом способов: посредством обрезания, специальных ограничений в пище и сотен мелких ритуалов, которые давали еврею право называться «избранным».

Похоже, что против евреев направлен обоюдоострый меч: они могут пытаться либо полностью ассимилироваться в том обществе, в котором живут, — естественно, за исключением Израиля, — за что их скорей всего станут презирать, или же поддерживать свою обособленность, за что их опять-таки станут презирать. «Если он [еврей], — пишет Фредерик Рафаэль в работе, которую он озаглавил «Необходимость антисемитизма», — ассимилируется, то становится неотличимым; если он настаивает на том, чтобы выделяться, то встает миру поперек горла». Чему отдает предпочтение сам Рафаэль, становится ясно, когда в самом начале статьи он приводит исто-

рию о малоизвестном драматурге французско-еврейского происхождения, который, после того, как нацисты заняли Париж и обязали евреев носить на одежде желтые звезды, разъезжал в таком виде в фиакре (небольшом запряженном лошадьми экипаже), покуривая сигару. Когда кто-то из друзей намекнул ему, что это весьма рискованно, тот ответил: «Мой дорогой, сейчас неподходящий момент держать свет под спудом».

«Каждый человек — для кого-нибудь еврей», — сказал Примо Леви, имея в виду, что у всех людей найдется кто-то, на кого они смотрят сверху вниз. Это положение справедливо и для самих евреев. Но мне кажется, что в отношении евреев дело обстоит немного не так. Я не думаю, что на них просто смотрят сверху вниз. На мой взгляд, презрение, выказываемое в отношении евреев, почти всегда сдобрено изрядной порцией зависти.

Еврейство — это не клуб, из которого так просто выйти; а после событий XX столетия желать этого к тому же и не почетно. Хотя, будучи евреем, я ни разу

ни в каком смысле не ощутил себя «избранным», я нередко испытывал особое, в некотором роде снобистское чувство превосходства из-за того, что мне повезло родиться евреем, — и особенно, позвольте уточнить, евреем в США. (Если бы я родился евреем в Европе, а я появился на свет 9 января 1937 года, то, скорее всего, мне не пришлось бы сейчас писать эти строки). Но поскольку мне повезло родиться в Америке, я могу одновременно ощущать себя частью великого народа и быть евреем. Не так уж плохо, особенно для писателя.

И все же, возвращаясь немного назад, интересно, что бы я или любой другой еврей на моем месте думал бы о евреях, не будучи евреем? Проскальзывал бы хоть время от времени антисемитизм если не в моих словах, то в моих мыслях? Рассуждал бы я об «этих проклятых евреях» и их постоянных разговорах о холокосте? Относился бы я с подозрением — и, конечно, с завистью — к тому, что они захватили почти все лучшие места в науке и медицине, в педагогике и средствах массовой информации? Чувство-

вал бы я уколы зависти, в которой есть лишь легкий завиток подлинного уродства, думая об успехе, которого они и их дети достигли в стране, все более и более выглядящей меритократической Америкой? Действительно ли такое поведение евреев, в основе которого на самом деле лежит лишь желание добиться в жизни как можно большего, почти неизбежно вызывает зависть?

Надеюсь, что нет. Хотя — почему нет? Чтобы разгореться, зависти не нужны оправдания, а евреи на протяжении их долгой и сложной истории и особенно когда, невзирая на все преграды, добивались успеха, предоставляли их немало.

Радуюсь неудачам

Самым жестоким образом зависть, возможно, проявляется, когда мы завидуем людям, с которыми никогда не встречались и вряд ли когда-нибудь встретимся. Я имею в виду знаменитостей: спортсменов, кинозвезд, известных художников, владельцев фантастических состояний. «Наша самая сильная, самая яростная ненависть, — писал Поль Валери, — направлена на тех, кем мы сами хотели бы быть; ненависть еще более жестокая из-за того, что это положение так тесно связано с человеком, которого мы ненавидим. Это — форма «воровства», иметь богатство или почести, которых жаждем мы сами; и это — настоящее преступление, иметь тело, ум или талант, которые кому-то кажутся идеальными»

*«Мне жаль, что у тебя сейчас тяжелые времена, Рой.
Прости мне мое злорадство».*

ми. Поскольку тот факт, что они принадлежат другому человеку, немедленно доказывает, что идеал все же достижим и что все заслуженно». Но до чего же приятно наблюдать, как людей, у которых было все,

о чем мы мечтали, низвергают с пьедестала, как они падают самым жалким или, еще лучше, унижительным способом.

Когда нас постигают незаслуженные несчастья — несчастные случаи, болезни и тяготы, — большинство задается неизбежным вопросом: Почему я? Почему это случилось со мной, ведь в моей жизни и так достаточно неприятностей? Но вопросы, порожденные завистью, звучат иначе: Почему они? Почему им выпала невероятная удача от рождения иметь атлетическое сложение, красоту, талант, богатство? По какому праву им досталось все: деньги, внимание, любовь, беззаботная жизнь? Почему им, а не мне?

Я почти уверен, что 40—50 лет назад люди реже задавали себе эти вопросы. Тогда финансовое положение каждого человека считалось его личным делом и больше никого не касалось, но сейчас сведения о том, сколько спортсмен зарабатывает за сезон, какой гонорар актер получает за участие в фильме, а писатель — за книгу, становятся достоянием гласно-

сти. Когда дизайнеры устраивают открытые показы, директора переходят из одной крупной компании в другую, знаменитости всех мастей приобретают недвижимость, нам обычно, сообщают, сколько денег было на это потрачено. Иногда суммы называются с точностью до цента, причем подробно расписывается, из чего конкретно они складываются: так, например, прошла информация, что питчер высшей лиги (бейсбол. — *Прим. ред.*) зарабатывает свыше 46 тысяч долларов за подачу, или что поп-певец получает более 6 миллионов за одно выступление.

«Вчера «Хьюстонские ракеты» еще на 6 лет продлили контракт с защитником Стивенем Френсисом, — сообщает 27 августа 2002 года «Нью-Йорк Таймс», — сохранив его в команде до сезона 2008—2009 гг. Двадцатипятилетний Френсис в течение последнего из четырех сезонов по предыдущему контракту зарабатывал чуть больше 14 миллионов долларов. Его новый контракт позволит ему получать в течение последующих 6 лет от 80 до 90 миллионов». Просто невозможно спокойно читать эту маленькую

газетную заметку. Это не та новость, с которой хотелось бы начать свое утро; как будто вам в кофе кто-то подлил уксуса. Хотя я слежу за игрой профессиональных баскетбольных команд, я никогда не слышал о Стивене Френсисе и понятия не имею, кто он, черный или белый, ангел или сущий дьявол. Но, думаю, что выражу мнение практически всех людей, за исключением членов его семьи, если скажу: не должен человек получать 14 миллионов долларов в год за то, что он носит шорты и прыгает по площадке с круглым резиновым мячом. И вот, ничего не зная об этом парне, я почти уверен, что он мне не нравится. И я, надеюсь, его семья простит меня, совсем не уверен, что желаю ему добра.

Кроме того, раньше мы не знали богатых и знаменитых так хорошо, как нам кажется, мы знаем их сейчас. Кэри Грант и Рита Хейворт не участвовали в телевизионных ток-шоу, чтобы продемонстрировать свое (возможное) невежество. Бэйб Рут и Соня Хени не рассказывали на страницах глянцевого журнала интимные подробности своей жизни. Компа-

нии по связям с общественностью старались тогда не привлекать внимание публики к очень богатым людям, а наоборот, оградить их от него. И это было прекрасно, по крайней мере, им удавалось держать зависть на расстоянии.

Но те времена прошли. Сейчас мы знаем, сколько зарабатывают и что и из себя представляют все наши очаровательные и ужасно талантливые. Единственной реакцией на это знание служит то, что мы ощущаем несправедливость всего происходящего и постепенно начинаем хотя бы чуть-чуть презирать этих людей. А многие из нас, я уверен, презирают их от всей души. Для этого достаточно читать бульварную прессу, «The National Enquirer», «The Globe», таблоиды и прочие подобные издания, главной задачей которых, как мне кажется, является удовлетворение волчьего аппетита зависти путем изображения при первой же возможности талантливых, знаменитых и богатых в моменты их поражения.

Желтые газетенки, любой из которых отлично подошло бы, например, название «Национальное

злорадство», пестрят заголовками: «Опра набрала 60 фунтов, таскаясь по вечеринкам», «Бойфренд Бритни Спирс изменяет своей подруге», «У дочери Шер большие проблемы», «Брэд Пит разрушает свой брак», «Уитни Хьюстон не удалось избавиться от наркотиков», «Еще один внук Кеннеди повел себя недостойно», «Доналда Трампа вызывают в суд, чтобы взыскать с него крупные алименты». Счет выравнивается, и мир становится более справедливым, чем нам казалось. Как восклицал Ральф Крамден, комический персонаж Джеки Глисона: «Это так мило!»

Здесь не обходится без *злорадства*: удовольствия от чужой неудачи или поражения. У этого чувства древняя история — такая же древняя, скажет кто-то, как история человеческого рода. Еще в XVII веке Джонатан Свифт, работая над «Стихами на смерть д-ра Свифта» осознал, что однажды он сам может стать причиной злорадства, и написал двестише о том, как окружающие узнают о его кончине. Оно звучит так: «А прочие, пожав плечом, промолвят:

Жаль — но все умрем» (перевод Ю.Д. Левина).
Свифт также отдал должное тому, как философски
мы способны относиться к чужим неудачам:

Безразличие, прячась за маской мудрости,
Всем придает стойкость духа.

Злорадство — явление не новое, скорее наоборот, оно похоже на морозоустойчивое многолетнее растение в заросшем сорняками саду мрачных эмоций. Лорд Байрон распознал ее за нападками на драматурга и политика Ричарда Шеридана и описал следующим образом:

Сокрытый враг, не зная сна, следит
За жертвою внимательно и жадно,
Шпионит он, и судит, и грозит;
Соперник, враг, завистник и губитель,
Озлобленный глупец и праздный зритель, —
Все, кто чужому горю только рад.
Его сразить, унижить норовят;
Приводит славы путь на край могилы,

Ошибки все, что от избытка силы
Творит порою гений, стерегут,
Скрывают правду и бесстыдно лгут,
Чтоб, накопив несчастье и обиду,
Из клеветы воздвигнуть пирамиду!

Кажется, ничто не может заставить *злорадство* проявиться сильнее, чем зрелище низвергнутого титана. (В политической сфере журналист Эндрю Салливан придумал термин «янкирадство», с помощью которого он описывал радость европейцев по поводу экономических неудач США). Нужно сказать, что иногда титаны и вправду заслуживают низвержения, и тогда в дело вступает нечто другое, нежели злорадство: на ум приходят корпоративные преступления, совершенные в компаниях Enron, WorldCom и других, в которых была вскрыты случаи ужасающей коррупции. Здесь на первый план выступает скорее не зависть, а чувство справедливости. Потерпевший крушение верхний эшелон исполнительной власти состоит из типов, кото-

рые лгали, мошенничали, ускользали от любой ответственности, думали только о себе и не в грош не ставили своих сотрудников. Не зависть, а презрение, — вот основное чувство, которое заставляет людей желать падения таких монстров, и для большинства из них те упали недостаточно низко. Думаю, это не злорадство, а просто искренняя жажда справедливости.

А как насчет Марты Стюарт, чье преступление заключалось в том, что она воспользовалась инсайдерской информацией и избавилась от принадлежавших ей ценных бумаг, прежде чем цены на них стремительно обвалились? Широкие слои населения страны казались удовлетворенными — читай, получившими удовольствие, — когда ее поймали с поличным. Интернет в то время был забит посвященными Марте материалами, в которых она представала за решеткой дающей советы по оформлению тюремной камеры и рассказывающей обо всех тех очаровательных вещицах, которые можно сделать из полосатой тюремной ткани. Была ли радость от падения Мар-

ты Стюарт справедливой, или в ней слышались нотки *злорадства*?

Подозреваю, что последнее. Вот женщина, Марта Стюарт, которая сделала многомиллионное состояние, давая всей Америке советы о том, как есть и пить, во что одеваться, как украшать жилище и принимать гостей, а потом внезапно ее собственная жизнь оказалась полна отвратительных подробностей. (Осмелюсь сказать, что преступление, заключающееся в сборе конфиденциальной информации, является одним из тех, в которых большинство из нас не хотело бы быть заподозренными). Марта Стюарт не входит в число богов-хранителей моего собственного домашнего очага, но мне известно о ней достаточно, для того, чтобы ощутить слабое, но вполне отчетливое *злорадство* от ее падения.

Иногда различие между *злорадством* и жаждой справедливости невозможно провести. Помню, как узнал о том, что у одного литературного критика, всегда говорившего о себе как о некоем совершен-

стве, обнаружили рак. Я рассказал об этом своей жене и добавил, что, хотя я и считаю его самодовольным ничтожеством, но вовсе не желаю ему смерти. Жена, которая не знала всех подробностей, сказала, что я просто желал ему всяческих неприятностей. Да, побольше неприятностей: чтобы им заинтересовалась налоговая служба, чтобы развалился его третий брак, чтобы дети не разделяли его взглядов, — неприятностей, но не смерти. У этого человека премий, научных званий и глубочайшего (совершенно, по-моему, незаслуженного) уважения публики, этой великой тупицы, было во много раз больше, чем у меня самого. Так было ли чувство, которое я испытывал к нему, обычной завистью, или же искренней неприязнью к настоящему мошеннику? Я, естественно, предпочитаю думать, что последнее, и зависть тут ни при чем, но мне хотелось бы быть более уверенным в этом.

Некоторые психологи считают, что злорадство питается преимущественно завистью. Они проводят так называемые контролируемые эксперимен-

ты, которые в основном показывают, что люди, чьи неудачи воспринимаются с наибольшим энтузиазмом, — это те, кому удалось добиться успеха, не прикладывая никаких усилий. От природы талантливые, удивительно гармоничные, безупречно прекрасные — вот те, чьим падением мечтают наслаждаться завистники.

Одни выражают свое злорадство открыто и не стесняются говорить о нем; другие наслаждаются им тайно; а третьи испытывают из-за него чувство вины. Должен ли человек испытывать вину наряду со злорадством? Возможно. Безусловно, неправильно по сути желать другим людям плохого только потому, что им посчастливилось в жизни больше, чем остальным. Психологи, занимающиеся проблемой злорадства, склоняются к мысли, что больше других его испытывают люди с заниженной самооценкой, именно поэтому чужие неудачи радуют их невероятно. И все же радость, пускай и умеренная, от чужого падения, кажется естественной, хотя и неприятной, чертой человеческой природы.

Гораздо менее естественной представляется тайная радость при виде неприятностей, постигших знакомых, друзей и даже членов семьи. У Ларошфуко, который не только не боялся изучить самую темную сторону человеческой природы, но и увековечил свое имя, запечатлев ее в знаменитых максимах, было два великолепных изречения на эту тему: «У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего» и «Горе друзей печалит нас не долго, если оно доставляет нам случай проявить на виду у всех наше участие к ним».

Злорадство по отношению к знаменитостям — это одно; а радость при виде злоключений близких людей, в том числе и тех, о ком нужно беспокоиться, и даже любить, — совсем другое. Переход от зависти к успеху друзей (Гор Видал пишет: «Каждый раз, как кто-то из друзей добивается успеха, какая-то часть меня умирает»), к откровенной радости от их падения — это решительный шаг вниз. Чувство глубокого удовлетворения, сопровождающее неудачную попытку хорошего, но, возможно, слишком честолю-

бивого друга стать влиятельным человеком; тихая радость при виде того, как рушатся планы родственников устроить детей в самую лучшую школу; сдержанный восторг от того, что чьи-то надежды, пускай даже собственной сестры, на шикарную жизнь с грохотом провалились... теперь мы добрались до зависти. Мы достигли точки, где зависть, обнаруживаемая в злорадстве, действительно начинает казаться смертным грехом перед лицом Господа.

Другое имя обиды

Некоторые психологи считают, что не зависть, а обида служит двигающей силой злорадства. Но сама обида также зачастую скрывается за завистью, поэтому необходимо прояснить сходства и различия между этими двумя состояниями души. Состояние подверженных им людей правильнее всего назвать не обидой, а философским термином «ресентимент».

Ресентимент (переживание заново некоего чувства и его соответственное усиление), как правило, имеет быстрый, внезапный характер и бывает вызван неблагодарностью или несправедливостью, но довольно скоро сходит на нет. Зависть обычно выбирает особый объект, и как только получает же-

Мистер Лима Бин размышляет о превратностях судьбы.

лаемое, засыпает. То же самое можно сказать и о мести: когда она свершается, дело закрывается. Но resentment не исчезает так быстро, проникая в личность человека и становясь постоянной чертой его характера.

Большим специалистом в том вопросе является автор книги «Ресентимент в структуре моралей», Макс Шелер (1874–1928). По его мнению, ресентимент начинается с ощущения бессилия. Это чувство более пассивно, чем зависть. Ресентимент возникает, когда человек знает, что не может изменить не нравящуюся ему ситуацию и не готов смириться с этим. Пребывая в таком состоянии, люди занижают, преуменьшают значение того, чего они не могут получить или чему не могут соответствовать. Как отмечали многие эксперты, главной историей о ресентименте является басня Эзопа «Лиса и виноград». Не сумев добраться до винограда, лиса подумала: и что в нем хорошего? (чистой воды ресентимент) и плюнула на эту затею.

«Вместо того, чтобы объяснять понятие [ресентимент], — пишет Шелер, — давайте лучше кратко охарактеризуем само явление. Ресентимент — это самоотравление сознания, которое имеет вполне определенные причины и следствия. Это продолжительное психическое состояние, вызванное систематическим возвращением определенных эмоций и аффектов, которые сами по себе являются обычными компонентами человеческой природы. Их подавление ведет к устойчивой тенденции не отказывать себе в некоторых видах обманчивой оценки окружающих и соответствующей субъективной самооценки. Эмоции и аффекты, вовлекаемые в первую очередь, — это месть, ненависть, злоба, зависть, стремление принизить и недоброжелательность».

Ресентимент, таким образом, — это эмоциональное состояние, которое оставляет в душе тех, кто его испытывает, ощущение недовольства жизнью. Люди чувствуют свое бессилие, не верят, что источник их обид может быть устранен. Шелер полагает, что ресентимент может возникнуть, только если эти эмоции

чрезвычайно сильны, но должны подавляться поскольку связаны с «чувством, что никто не способен выразить их — либо по причине слабости, физической или душевной, либо из-за страха». Это часто приводит, по Шелеру, к «озлоблению» и «отравлению» личности. Настолько сильному, что страдающие от ressentимента начинают почти радоваться возможности высказать критические замечания, которые внушает им их мировоззрение. Критика, рождаемая ressentиментом, не ожидает и даже не предвкушает уничтожения того, что она считает неправильным, или плохим, или губительным; без этих недостатков «растущая радость, приносимая обличением и отрицанием», была бы разрушена.

Снова и снова Шелер подчеркивает: элемент бессилия — вот что лежит в основе ressentимента. Зависть, ненависть, жажда мести приводят к ressentименту, только когда человек понимает, что ничего не может с ними поделать. Таким образом, по мнению Шелера, преступникам, которым незнакомо чувство бессилия, за исключением, возможно, тех случаев,

когда их хватают и сажают под замок, неведом и resentment. То же самое можно сказать и о солдатах. До недавнего времени его испытывали многие женщины по крайней мере в социальном и профессиональном аспектах, но, вероятно, теперь, когда феминистское движение одерживает одну победу за другой, на смену resentment пришли другие проблемы и трудности. Старшее поколение с легкостью можно отнести к resentimentной группе: «Не удивительно, — пишет Шелер, — что молодые вынуждены вести тяжелую борьбу, чтобы противостоять resentmentу стариков». Туда же, согласно Шелеру, попадают тещи и свекрови, — эти женщины так привыкли опекать и контролировать своих детей, что после того, как те женятся или выходят замуж, им, лишившимся своего бывшего влияния, остается лишь мрачный resentment.

В разные времена resentment переполняет разные группы людей. Если пролетариат, возможно, испытал однажды бессилие от своего несправедливого

положения, по крайней мере в понимании Карла Маркса, то в XX веке профсоюзы в капиталистических странах положили этому конец. Некоторые художники, чувствуя, что не находят признания в обществе обывателей, ощущают и демонстрируют ресентимент. Американские ветераны вьетнамской войны, как мне кажется, тоже не понаслышке знают, что это такое, хотя многие бы объяснили это так: они бесцельны понять важность принесенных ими жертв, учитывая неоднозначное отношение большинства американцев к этой войне.

Я бы предложил внести в список тех, кто пребывает в состоянии ресентимента, и американских ученых, особенно тех, кто занимается гуманитарными науками. Они одновременно чувствуют себя великими и непонятыми, стоящими над своими согражданами и бесконечно далекими от них, недостаточно вознагражденными и уважаемыми ими. Они все время ощущают привкус разочарования: им постоянно кажется, что мир каким-то образом их подвел. Иног-

да это выливается в желчность и резкость; иногда принимает форму безнадежно радикальных политических взглядов. Их, кстати, нетрудно распознать, они обычно заключаются в сложных подвижках и переориентации общества, так чтобы такие же люди, как они сами, могли получить заслуженный кусок от пирога власти.

Лучший из тех, что я видел, отчет о ресентименте среди американских ученых был представлен философом Робертом Нозиком. Он пришел к выводу, что почти все университетские преподаватели в детстве благодаря своей отличной успеваемости в школе снова и снова слышали, какие они замечательные и необыкновенные. Так продолжалось на протяжении 20 лет, пока они не заканчивали учиться, причем чем дальше, тем интенсивней становились эти уверения, заставляя поверить в их правдивость. И молодые люди купались в атмосфере восхищения в стенах родного класса, на протяжении многих лет бывшего сценой, где они получали все свои награды, до тех пор пока сами не становились учителями.

Жизнь, казавшуюся прекрасной, очень быстро омрачало осознание того факта, что люди, в школе отнюдь не блиставшие успехами, устроились в мире куда лучше, чем они сами. Далеко не первоклассные юристы зарабатывают сотни тысяч долларов в год; глуповатые мальчики и девочки, имеющие собственную медицинскую практику, приобрели огромные летние дома на берегах тихих озер. Невоспитанные тупицы превратились в воротил фондовых и товарных рынков. В то время как они сами, когда-то любимцы учителей, ставивших им дорогие сердцу «отлично», испытывают ужасные страдания, если не финансовые, то уж точно душевные. Нет, это совершенно непостижимо и чертовски несправедливо.

Первоначально было заключено неписаное соглашение. Подразумевалось, что преподавание и университетская жизнь позволят вам удовлетворить интеллектуальную и художественную страсть в обмен на отказ от чересчур роскошной жизни, доступной другим, тем, кто ведет битву на поле коммерции. Но все пошло не совсем так, как планировалось. Препо-

давание оказалось не таким веселым занятием, как было обещано. Студенты не разделяют вашей страсти к науке. Свободного времени и правда много, но вот денег явно не хватает; и это, естественно, не позволяет вам вести жизнь, достойную высокого уровня вашего интеллекта. Почему у какого-то безграмотного юриста достаточно денег, чтобы купить виллу в Тоскане, тогда как вы знаете гораздо больше об итальянском искусстве эпохи Возрождения? Что это за общество, которое допускает такое положение вещей? Абсолютно несправедливое, вот какое.

Таким образом зависть перемешивается со снобизмом и одновременно с ощущением бессилия по отношению ко вселенской несправедливости и ввергает большую группу людей в состояние постоянного ресентимента.

Макс Шелер расширяет границы ресентимента, заявляя, что «буржуазная мораль, которая постепенно, начиная с XIII века, вытесняла мораль христианскую и, наконец, полностью заняла ее место после Французской революции, основывается на ресенти-

менте». Не ресентимент ли, эту странную комбинацию зависти и бессилия, испытывала развивающаяся буржуазия, общаясь с дворянством? Я не готов ответить на этот вопрос, но знаю, что в разные моменты жизни почти все мы сталкиваемся с удручающим и лишаящим силы духа ощущением, рождающим состояние мрачной и глубокой безнадежности, которое, кажется, будет длиться вечно.

Свойственно ли человеку завидовать?

Одни культуры сильнее пропитаны завистью, чем другие. Если правда, что зависть явственнее ощущается среди людей, почти равных по положению, чем среди тех, кого разделяет финансовая, классовая или еще какая-либо «пропасть» — ведь глупо завидовать английской королеве, правда? — то демократические республики должны представлять для нее наиболее плодородную почву. Зачастую так и есть. Америка подтверждает эту теорию различными способами. Алексис де Токвиль писал, и с ним трудно поспорить, что «демократические институты наиболее успешно рожают зависть в человеческом сердце».

Как я уже говорил выше, зависть никогда не была столь могущественной и не имела столь ужасных последствий, как в Советском Союзе, с его официальным курсом на диктатуру пролетариата и братство всех народов. Страшно сказать, но другой культурой, в которой зависть играла центральную роль, была самая почитаемая из западных цивилизаций — греческая, в особенности Афины IV—V вв. до н.э. В своей небольшой, но совершенно изумительной книге «Зависть и древние греки» Питер Уолкот пишет: «Одно то, что человек успешен и благополучен... является для греков достаточной причиной для того, чтобы испытывать к нему зависть. Неправый поступок — это еще одна причина не любить его и таить против него злобу и зависть... Зависть [среди греков] — это скорее жизненный факт, чем моральный принцип». Снова и снова Уолкот подчеркивает, что «греки четко осознавали проблему, по крайней мере, бесстрашно принимали ее, признавая, что человек завистлив, и не пытались скрыть неприятный факт повсеместного присутствия зависти». В воин-

ственном городе-государстве Спарте была предпринята самая энергичная попытка создать свободное от зависти общество, для чего была введена совместная трапеза, во время которой жители должны были питаться все вместе, а детей забирали у родителей и воспитывали в духе коммуны.

«Человек, по мнению греков, от природы завистлив, зависть является частью его природы и характера», — пишет Уолкот, продолжая доказывать, что зависть в жизни греков принимала самые разнообразные формы — между детьми, между равными, между рядовыми и знатными гражданами. И, словно этого недостаточно, греки опасались еще и зависти богов. За этим страхом скрывалась мысль о том, что не только надменность (чрезмерная гордыня, которая предшествует окончательному моральному падению), но даже просто успех может вызвать гнев высших сил.

Многие из нас унаследовали подобные убеждения, даже если речь идет не о богах. Хотя мы знаем, что живем в XXI веке, мы по-прежнему стараемся

различными тайными уловками защититься от зависти. Когда дела складываются удачно, я испытываю легкое беспокойство из-за того, что все идет уж слишком хорошо, и что мне, учитывая склонность богини правосудия уравнивать чашу весов, придется дорого заплатить за свой успех. В конце концов, почему в мире, где так много печали, я всегда должен чувствовать себя счастливым? Нужно избавиться от высокомерия; я должен снова и снова напоминать себе, какая редкая удача мне выпала. Я должен продемонстрировать свою благодарность, вспомним У.Х. Одена, говорившего, что просительная часть молитвы должна быть очень короткой, так чтобы почти сразу можно было перейти к части благодарственной.

Что, по мнению Питера Уолкота, отличало греков от остальных, так это то, что они на самом деле научились обращаться с завистью. Они ни секунды не думали, что смогут подавить ее, вместо этого они нашли способы удовлетворить зависть и, где это возможно, сделать ее менее губительной.

Институт остракизма, к примеру, с помощью которого политический лидер может быть изгнан из своего кабинета, часто рассматривается как способ уменьшить количество низвергаемой на него зависти. Самый известный — и, возможно, самый печальный — случай в истории Греции произошел с государственным деятелем Аристидом Справедливым, которого, пишет Плутарх, подвергли остракизму за чрезмерную добродетель, если таковая вообще может быть чрезмерной. «Мне надоело слышать, как его постоянно называют Справедливым», — так, вероятно, говорил какой-нибудь житель Афин. (Стоит отметить, что Сократа за то же самое приговорили к смерти — из зависти к его огромной добродетели и абсолютную честность.) Флотоводец и политик Фемистокл также подвергся остракизму на сей раз за то, что жил не по демократическим нормам и был заподозрен в высокомерии.

Остракизм означал десятилетнее изгнание, но без потери гражданства или собственности. Каждому, кто подвергся остракизму, было позволено вернуть-

ся, причем никто не сомневался, что так и будет. Зато, говоря современным языком, человеку давалось время остыть. За годы изгнания зависть по отношению к нему ослабевала.

Повсеместно в греческой цивилизации существовало напряжение между природным соперничеством и порицанием слишком высокого взлета над согражданами. Это объясняет, почему, когда читаешь о победах греков в спортивных и прочих состязаниях, победитель всегда предстает раздающим соотечественникам богатые дары, — чтобы не навлечь на себя слишком большую волну зависти, вызванную успехом. Зависть рассматривалась греками как бездумная, дурная, презренная привычка, которая подчиняет себе человека. Но такое понимание проблемы не означало, что они считали, будто от зависти можно избавиться. Максимум, на что можно надеяться, — это ее обуздать и уменьшить. Греки видели в зависти часть человеческой природы, проявляющуюся у разных людей с разной степенью интенсивности, но всегда присутствующую внутри, в любой момент гото-

вую поднять голову, словно свернувшаяся кольцом змея, которая кажется спящей, но на самом деле готова к смертоносному броску.

Христиане, обладая более прогрессивным сознанием, считали, что им под силу искоренить зависть. «Любовь не завидует, — сказал Св. Павел, и, таким образом, проблема, казалось, была упрощена: возлюби ближнего, даже врага своего. Иисус пытался извести зависть среди своих апостолов, уничтожив ее главную причину: соперничество. Он старался убедить их в том, что земные награды в лучшем случае ничтожны. Слава, богатство, власть — ничто по сравнению с тем, что предлагает жизнь вечная. Награда, к которой стоит стремиться, будет дарована на небесах, рядом с ней все остальное — просто пыль.

За христианским взглядом на зависть прячется надежда, что, распространяя учение Иисуса, удастся установить на земле Царствие Небесное, в котором зависти просто не будет места. Каждый человек, не важно христианин он или нет, должен сам решить для себя, насколько эта идея реалистична;

наконец, он должен решить, является ли зависть частью человеческой природы. Если нет, возможно, ее можно выкорчевать из всех нас. Если да, как считали Аристотель и другие греческие философы, проблема сводится к минимизации ее негативных последствий. Насколько хорошо нам это удастся?

Увы, похоже, на этот вопрос не существует ответа, по крайней мере, сейчас. Несмотря на все наши достижения в сфере науки и изобретательства, есть две вещи, о которых нам до сих пор ничего не известно: как работает мозг и что составляет человеческую природу. Пол Макхью, невролог, до недавнего времени возглавлявший психиатрическое отделение в клинике им. Джонса Хопкинса, утверждает, что в области психиатрии наше невежество настолько велико, что мы не достигли даже уровня физиологии времен Уильяма Харви, открывшего в XVII веке циркуляцию крови. Иными словами, нам не известны даже самые основные механизмы сознания и принципы их работы. Без этого знания мы можем только догадываться, приписывать мужчинам и женщинам

те свойства, которые соответствуют нашему личному опыту, стилю поведения, жизнерадостности или желанию таковой. Добавляем к этому немного психологии, социологии, общую эрудицию, и приходим к выводу, — по крайней мере, некоторые из нас — что мужчины и женщины «от природы» такие или другие, от истинных *homo sapiens* до грубых *homo rapines*. Но когда мы говорим о свойствах человеческой природы — а кто может удержаться от таких разговоров? — мы танцуем в темноте, щека к щеке. Греки, допуская, что, какой бы ни была человеческая натура, зависть, несомненно, является ее частью, возможно, были мудрее нас.

Профессиональная зависть

В первую очередь искать зависть следует в собственном сердце. За свои шестьдесят с лишним лет я не раз испытывал на себе ее уколы, но, наверное, никогда это не случилось так часто, как в детстве. Оно у меня было довольно счастливым, но мне хотелось, чтобы оно стало еще счастливей, а самый короткий путь к этому счастью, как мне казалось, лежал через обладание теми вещами, которые имели другие мальчики, но не имел я. Я уж не говорю о зависти к девочкам. Припоминаю, что до 10 лет, я завидовал ребятам, которые имели более богатых родителей, были симпатичнее, спортивнее, популярнее и отважнее, чем я сам. Это то, что касается моих сверстников. Еще я немного завидовал католикам.

«Прокляни это искренней похвалой».

Мы жили в Чикаго, городе насквозь пропитанном духом католицизма, в то время, когда почти в каждом фильме Бинг Кросби или Пэт О'Брайен, или Барри Фицджералд появлялись в роли обаятельных священников, и мне казалось, что быть католиком означает быть настоящим американцем.

По мере того, как я становился взрослее, росла и моя зависть, причем как вширь, так и вглубь. Я за-

видовал мальчикам, которые пользовались бóльшим успехом у девочек; были лучшими спортсменами; казались более опытными и более приспособленными к этому миру. Я также испытал первые вспышки ревности, обзаведясь прелестной, но кокетливой подружкой. Ревность заставляла меня переживать воображаемую драму — мне казалось, что она обманывает меня со всеми подряд, — и давала моему мозгу пищу для размышлений. Зависть же носила совсем другой характер: она была не такой сильной, более расплывчатой, но при этом и более всеобъемлющей.

Не могу сказать, что я был, как говорят, одержим завистью, но все же она жила во мне, проявляясь, как правило, в мелочах. У меня было довольно свободы, но я знал мальчиков, у которых ее было больше, а вместе с ней больше и карманных денег, удваивавших их свободу. Я прочел ряд произведений на тему преступности в среде несовершеннолетних («Эмбой Дьюкс», «Камень для Дэнни Фишера», «Постучись в любую дверь», «Капюшоны») и преисполнился завистью к стилю воспитания, при-

нятому в низших классах, который, если верить прочитанному, способствовал более обильному и легкодоступному сексу. В моей юности практически все вызывало зависть, начиная с обладания рельефными бицепсами и заканчивая прической Тони Кертиса.

Моя зависть была довольно однообразной, зато — никогда сильной, и, как правило, совершенно естественной. Когда человек молод, он склонен воображать тех, кому завидует, в чем-то более удачливymi, чем он сам. Кроме того, в молодости еще не определились жизненные приоритеты, а потому и желаний слишком много. Нам хочется большой дом в богатом пригороде, через который мы проезжаем; хочется любви самой симпатичной девушки или дружбы с парнем, с которым мы даже никогда не разговаривали; хочется иметь яркую машину, элегантную одежду, даже роскошный загар — хочется, хочется, и все эти «хочется» порождают обобщенную зависть.

Моя зависть активизировалась, только когда я решил, что хочу быть писателем. Она немедленно

заставила меня завидовать всем остальным писателям моего поколения, которые добились успеха быстрее, чем я. Помню, как-то, когда мне было лет двадцать, я прочитал в редакционной врезке «Поэтического журнала», что женщина, чьи три стихотворения были опубликованы в этом выпуске, на два года младше меня, и все, день пропал, а я даже и не собирался писать стихи. Знать, что мои ровесники, или не дай бог, кто-то младше меня, пишут книги, иногда довольно хорошие, было более чем огорчительно. Я, конечно же, не желал им смерти, но, недоумевая, почему им не хватает простой вежливости позволить моим достижениям быть признанным в первую очередь, хотел, чтобы они перестали писать. Мораль этой коротенькой истории, мне кажется, заключается в том, что трудно быть честолюбивым, не будучи при этом завистливым.

Профессиональные достижения, как я заметил, вызывают внутрицеховую зависть. Три лучших критика Америки не разговаривали друг с другом много лет. Я знал чрезвычайно успешных писателей, кото-

рым с трудом удавалось выносить победы коллег, даже менее удачливых. («Я не знаю, как обстоят дела в других профессиях, — говорит герой романа Джорджа Гиссинга «Новая Граб-стрит», — но надеюсь, что там меньше зависти, ненависти и злобы, чем в нашей»). Поэты, которых читают в наше время меньше всего, возможно, самые оголтелые завистники из всех служителей искусства, хотя я слышал, что от них не отстают и собирающие огромные залы музыканты-исполнители. Недавно я прочитал, что Кусевицкий часто давал Игорю Стравинскому дирижировать Бостонским симфоническим оркестром, поскольку считал, что «композитор-дирижер» не является настоящим соперником постоянному дирижеру.

Зависть становится ядовитой, только когда она достигает определенного уровня интенсивности или когда человек все еще ощущает ее, достигнув возраста, в котором он, по идее, должен обрести способность контролировать свои эмоции. Я относился с неприязнью, отвращением, испытывал презрение и даже (порой) ненавидел нескольких людей в

своей жизни, но завидовал ли я когда-нибудь кому-нибудь с той же злобной силой, какой отличается подлинная зависть? Надеюсь, что не обманываю, когда говорю, что мне так не кажется. Но даже сейчас приступы зависти — безнадежной и глупой — случаются со мной, а ведь я уже в том возрасте, когда известно, куда она может завести. «Злоба еще может выдохнуться, — писал лорд Галифакс, — зависть — никогда».

Душевное нездоровье

«Я не знал жизни без желаний», — замечает Дзено, герой романа Итало Свейо «Самопознание Дзено», и я тоже. Даже сегодня, входя в роскошный дом, я не могу не думать о том, как хорошо было бы обладать им. Я смотрю на сверкающую машину и представляю, как еду на ней вдоль океана. Кто-то из поэтов или писателей получает огромную денежную премию, и я думаю (вряд ли вас это шокирует), насколько больше я заслуживаю этих денег, чем он. Поль Валери, ясности и глубине мышления которого я никогда не перестану завидовать, однажды написал, как увидел кого-то «в свете, который делает его таким счастливым или таким красивым, что это заставляет нас терять

даже вкус к жизни», и мне тоже знакомо это ощущение. Но ни один из этих маленьких толчков зависти не длится долго. Они похожи скорее на мимолетную фантазию, чем на истинную зависть. Действительность быстро отрезвляет: я начинаю думать о том, как дорого обходится содержание огромного дома (уход за участком, счета за отопление, налоги), как неудобен автомобиль с откидным верхом зимой, и какие ничтожества получают крупнейшие литературные премии, — и моя зависть улетучивается с тем же шипящим звуком, с каким воздух вырывается из лопнувшего шарика.

Кроме того, я смирился со своим средним уровнем жизни. Я хочу только иметь достаточно денег, чтобы жить, не залезая в долги и не слишком ограничивая себя и особенно тех, кого я люблю. Я получил свою долю славы и, пока я достаиваюсь поразительно высоких похвал, я нахожу, что могу прекрасно обойтись без регулярного получения премий, почетных званий и наград. Я не накопил слишком много мудрости, но зато узнал, что жизнь не

слишком точно судит о наших достижениях, и потому особо не переживаю оттого, что по своей невнимательности она забывает позаботиться о том, чтобы мой талант был оценен по достоинству.

Я считаю, что мне невероятно повезло: я нашел свое дело, настоящих друзей, а главное надежную спутницу жизни — свою жену. Человек, который полагает себя счастливым, так же осознает — или во всяком случае должен осознавать — непристойность постоянной зависти. Хотя даже счастливики временами ощущают приливы зависти. Несколько лет назад я написал эссе под названием «Несколько добрых слов о зависти», в конце которого привел перечень тех вещей, которым я до сих пор завидую. В этом списке оказалась только одна дорогая вещь: маленький, аккуратный домик на берегу какого-нибудь водоема. Все остальное было одновременно бесценно и, на данном этапе моей жизни, недостижимо. Как я уже говорил, я завидовал всем, кто мог из позиции стоя сделать сальто назад. Я завидовал людям, которые сражались на войне, испытали свою

храбрость и остались невредимыми. А так же тем, кто с легкостью говорит на иностранных языках. Еще я завидовал актерам различных амплуа, которые способны так увлечь публику, что она мечтает только о том, чтобы представление никогда не кончалось. И людям, умеющим отправляться в путешествие с одним-единственным чемоданом, я тоже завидовал. А еще тем, у кого хорошая осанка. Я до сих пор им завидую. А больше всего я завидовал — и продолжаю завидовать — тем немногим любимцам богов, которые действительно понимают, что жизнь — это очень ненадежная сделка, которую другая сторона (имя которой не называют) может в любой момент расторгнуть, и соответственно проживают свою жизнь — день за днем, час за часом, минуту за минутой.

Чем бы она ни была, зависть, прежде всего — это огромный расход психической энергии. Пока нельзя сказать наверняка, является или нет зависть частью человеческой природы, вполне возможно, мне кажется, доказать, что, высвободившись, зависть начина-

ет унижать всех, кого охватывает. Каждый раз, когда зависть вступает в игру, нам изменяет здравый смысл. Однако разум работает, зависть, как мы знаем, это один из его побочных продуктов, и как таковой ее и нужно воспринимать, борясь с ней теми немногими способами, которые имеются в нашем распоряжении: искренностью перед собой, самоанализом и попытками сохранить здравомыслие.

Если теологические размышления вам чужды, если само понятие «греха», смертного или простительного, как вызывающего осуждение проступка ничего для вас не значит, я бы посоветовал вам рассматривать зависть не как грех, а как душевное нездоровье. Она мешает нам трезво оценивать и себя, и тех, кому мы завидуем, и в конце концов ведет к тому, что у нас складывается превратное мнение о самих себе. Никто не может четко видеть то, чему он завидует. Зависть затуманивает мысли, лишает нас благородства, убивает любую надежду на спокойствие и, наконец, иссушает душу — причины, достаточные для того, чтобы бороться с ней изо всех сил.

БИБЛИОГРАФИЯ

Научной литературы, посвященной зависти, не так уж много, в основном, потому что грех — порок? состояние? свойство? — зависти не относится к тем, в которых люди охотно признаются. Этот и некоторые другие вопросы поднимаются в книге «Психология ревности и зависти» под редакцией Питера Саловея. Одной из самых полезных книг, посвященных целиком этому предмету, является «Зависть: Теория социального поведения» Гельмута Шоека. Выпущенная в Германии, она представляет собой тяжелое, но очень питательное блюдо. В ней рассматриваются все аспекты интересующего нас вопроса, и ее необходимо прочесть всем, кто пишет об этой важной, но очень сложной проблеме.

В книгах, посвященных семи смертным грехам, зависти всегда отводится одна-две главы. Мое вни-

мание привлекли две работы, показавшиеся мне полезными и занимательными, — это компиляция под редакцией Иана Флеминга и статья английского журналиста Генри Фэйрли. Более научным подходом к предмету отличается исследование Гарольда Блумфилда «Семь смертных грехов», подзаголовок к которому дает достаточно ясное представление о его характере и стиле: «Введение в историю религиозной концепции, со специальной ссылкой на средневековую английскую литературу».

Тема зависти нередко находит отражение и в литературе. «Билли Бад, фор-марсовый матрос», возможно, самое значительное из произведений малого формата, посвященных этому вопросу. В сочинениях Шекспира зависть тоже время от времени выходит на сцену, да и как может быть иначе у такого универсального автора? Я также упоминаю на страницах этой книги роман Ю. Олеси, написанный под железной пятой Советского Союза, возможно, самого отягощенного завистью государства в истории человечества, и мрачный роман Л.П. Хартли «Пра-

восудие налицо». Отчетливо слышна зависть и в ряде стихотворений Филипа Ларкина, поэта, чье творчество является рупором его страстных желаний (невинных сестер зависти).

Французские философы едва ли могли обойти зависть своим вниманием, и хотя в своей книге я упоминаю только о Ларошфуко, о ней писали Лабрюйер, Шамфор и Вовенар. А также Сен-Симон, великий летописец царствования Людовика XIV, при дворе которого процветали помпезность и зависть.

Вопрос о зависти неизбежно затрагивают даже философы, не занимающиеся изучением человеческой природы. Я привожу высказывания или ссылаюсь только на Аристотеля, Канта, Кьеркегора, Шопенгауэра, Ницше и Джона Роулса, но начитанный человек отыщет и других мыслителей, размышлявших на эту тему.

Моя книга только отчасти построена на книгах других авторов. Многие наблюдения я почерпнул из жизненного опыта и умения смотреть по сторонам. Более того, я заглянул и в свою собственную душу,

которая, увы, никогда не была полностью свободна от зависти.

Здесь я привожу неполный перечень основных книг, которыми я пользовался при написании моего исследования:

Bloomfield G. The Seven Deadly Sins.

Fairlie H. The Seven Deadly Sins Today.

Farber L. Lying, Despair, Jealousy, Envy, Sex, Suicide, Drugs and the Good Life.

Fleming Ian (editor). The Seven Deadly Sins.

Frank R.H. Luxury Fever.

Heartley L.P. Facial Justice.

Klein M. Envy and Gratitude and Other Works.

Larkin F. Poems.

Matt S.J. Keeping Up with the Joneses: Envy in the American Consumer Society. 1890–1930

Portman J. When Bad Things Happen to Other People.

Rawls J. Theory of Justice.

Salovey P. The Psychology of Jealousy and Envy.

Schoek H. Envy: A Theory of Social Behavior.

Walcot P. Envy and the Greeks.

- Аристотель.* Риторика; Никомахова этика.
- Байрон Дж. Г.* Монодия на смерть Р.-Б. Шеридана, читанная на сцене Дрюри-Лейнского театра.
- Бэкон Ф.* Опыты.
- Кант И.* Метафизика нравов.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет. Болезни к смерти.
- Ларошфуко Ф. де.* Максимы.
- Мелвилл Г.* Билли Бад, фор-марсовый матрос.
- Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое: Книга для свободных умов; Веселая наука.
- Олеша Ю.* Зависть.
- Фрейд З.* Толкование сновидений.
- Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей.
- Шопенгауэр А.* Полное собрание сочинений.

Научно-популярное издание

Джозеф Эпштейн

ЗАВИСТЬ

Перевод с английского *О. Сергеевой*

Редактор *А. Голосовская*
Младший редактор *Е. Дорофеева*
Корректор *И. Мокина*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *Т. Коротковой*

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр-т Чайковского, д. 19а, оф. 214

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

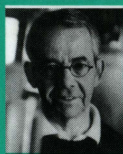
Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

С Е М Ь С М Е Р Т Н Ы Х Г Р Е Х О В

Злоба, у которой нет имени, хладнокровная, потаенная враждебность, бессильное желание, скрытая неприязнь и недоброжелательность — вот что составляет самую суть зависти. Зависть затуманивает мысли, пишет Джозеф Эпштейн, лишает нас благородства, убивает надежду на спокойствие, наконец, иссушает душу. Из семи смертных грехов, утверждает он, только в зависти нет ничего приятного.

Веда разговор с читателем в ироничной манере, благодаря которой серьезный материал воспринимается легко и не навеивает скуку, Эпштейн знакомит нас с многочисленными обликами зависти. Автор рассказывает о том, что великие мыслители прошлого и настоящего писали о зависти; о различиях между завистью, острым желанием, ревностью, обидой и злорадством; перечисляет то, что служит предметом наиболее острой зависти: богатство, красота, власть, талант, знания и мудрость, удачливость и молодость. Отдельно рассматривается зависть, распространенная в научных кругах, где она перемешана со снобизмом и ощущением собственного бессилия. Эпштейн показывает, что в зависти всегда присутствует элемент злобы — завистник жаждет разрушить счастье других людей. Он высказывает предположение, что зависть к поразительному успеху, которого добились евреи в Германии и Австрии, возможно, скрывается за жесточайшим антисемитизмом нацистов.

ДЖОЗЕФ ЭПШТЕЙН — писатель, автор пятнадцати книг, около четырехсот эссе, рассказов, обзоров и статей. Более 20 лет Эпштейн преподавал в Северо-Западном университете (США), одновременно являясь главным редактором журнала «*The American Scholar*».

ISBN 5-17-035270-0

9 785170 352708